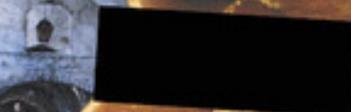

РУССКИЙ
ХИТ

МАТРИЦА

АННА

Лучше бы я
осталась
старшей
старшей

Анна Малышева

Лучше бы я осталась старой девой

«АСТ»

2004

Мальшева А. В.

Лучше бы я осталась старой девой / А. В. Мальшева — «АСТ»,
2004

Выходя за сокурсника-араба, Лена не могла и подумать, что вскоре ее жизнь превратится в нескончаемый побег. Только что созданную семью травят, преследуют, сгоняют с квартир. Муж лжет и, кажется, все больше впутывается в темные махинации. Она решает уйти и со всем покончить, даже не подозревая, что это – только начало ее злоключений...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Наступил июль, и в общежитии не осталось почти никого. Студенты сдали экзамены и разъехались по домам, абитуриенты еще не приехали, и ректор института дал коменданту общежития указание – отключить электричество на некоторых этажах и газ на кухнях, чтобы сократить счета за коммунальные услуги. Теперь это большое пятиэтажное здание стояло по вечерам темным и казалось нежилым. И все-таки в нем жили.

В общежитии скрывались те немногие студенты, которые по каким-то причинам не могли уехать домой – держала работа в Москве, не было денег на дорогу, или же просто никто их дома не ждал. Ректор ничего о них не знал, а то бы немедленно выселил прочь. «Летом пусть сидят дома! – категорически заявлял он. – Они в Москве только для того, чтобы учиться!» И ребята тщательно прятались от него. Конечно, в общежитии сидел вахтер, но в конце концов он тоже был человек и за бутылку водки в неделю соглашался докладывать ректору, что посторонних в здании нет. Вахтеров было двое: один дежурил днем, другой – ночью. Это были молодые парни, и студенты с ними ладили.

Вечером второго июля на всех этажах общежития было пусто. Первый этаж был сдан в аренду банку, на втором помещалась фирма, торговавшая обувью, на третьем этаже располагались комнаты кастелянши, коменданта, комнатка, где спали по очереди вахтеры, а также паспортистка. Остальные помещения на третьем этаже занимали студенты-заочники во время сессий, но сейчас их, конечно, не было. Четвертый этаж тоже совсем опустел – немногие студенты, которые остались в здании на лето, предпочитали поселиться неподалеку друг от друга и пользовались для этого комнатами своих знакомых на пятом этаже. Вот там-то, на кухне, и разговаривали две девушки. Одна присела на отключенную газовую плиту и курила, пуская дым в потолок, другая стирала в раковине белье и злобно говорила:

– Свинья наш ректор! Жалко ему, что мы тут проживем! Отрубить свет, надо же догадаться!

– Ну-ну, – меланхолично вздыхала ее подруга, выпуская толстую струю дыма из накрашенных губ. – Чего удивляешься, он иногородних за людей не считает! А между прочим, сам, как и ты, – из Рязани... Только предпочитает об этом забыть... Но ты, Наташка, тоже хороша...

– Что? – злобно откликнулась та.

– А то... Сколько можно тянуть? Когда на аборт ляжешь?

– Когда смогу... – убито ответила Наташа, бросая белье и вытирая лоб мокрой рукой. Это была совсем молоденькая девушка – пухленькая, хорошенькая, с детским взглядом прозрачных голубых глаз. Она была одета в старый фланелевый халатик, под которым уже явственно выделялся живот. – Я не хочу, Марина, пойми! Страшно...

– А чего ты хочешь? – прищурилась та.

– Искусственные роды... – жалобно сказала Наташа.

– Да, немного тебе надо для счастья... – фыркнула Марина. – Езжала бы ты домой да сказала все матери. Не убьет она тебя!

– Она – нет... – хмуро ответила Наташа. – А если отчим узнает...

– Отчим... Его дело – сторона. Ведь не отец!

– Он ко мне и так жутко относится... – Наташа снова принялась за белье, яростно терла его в тазике, русая коса упала в воду, и Наташа в ярости отбросила ее за спину. – Убьет, если узнает... Ну а потом, сама подумай... Рязань – город небольшой, пойдут слухи, мать от позора умрет...

– Да что у тебя за трагедии такие! – возмутилась подруга. – Умрет, убьет... Покричат и успокоятся... А ты спокойно сделаешь свое дело в больнице... Ну а вдруг осложнения? Кто к тебе в больницу-то придет?

– Да ты хотя бы...

– Я тебе даже апельсин не смогу принести... – проворчала Марина. – На сигареты не хватает, домой поехать не могу, а до Челябинска двое суток... Пешком не побежишь. Я бы на твоём месте нашла этого сволочного папашку... – она кивнула на живот Наташи, – и отпинала как следует...

– Ты бы нашла, а я... – У Наташи вдруг задрожали губы, она бросила бельё и отвернулась к окну. – Я даже если бы его увидела, ничего бы не сказала...

– Любишь, что ли? – издевательски поинтересовалась Марина.

– Ненавижу! – Наташа не отрывала глаза от окна. – Ненавижу. И знала ведь, что женат, что ребенок у него, зачем я это сделала?

– Точно. Зачем тебе был нужен этот араб? Он ведь даже никогда не мылся... Не противно было?

– Тогда – нет, – коротко ответила Наташа. – А теперь – да.

Марина тихонько запела, покачивая ногой и шуря густо подведенные глаза. Потом оборвала пение и спросила:

– Сегодня посидим у Пашки? Он собрался стол устроить... Нашел новую работу на автостоянке.

– Не пойду.

– Это почему?

– Так... – Наташа пожала плечами и вылила мыльную воду из таза. – Мне не до гулянок... Спрятаться бы у себя в комнате до самой больницы, чтобы никого не видеть и не слышать...

– Напрасно, – вздохнула Марина. – Чем больше будешь убиваться, тем меньше толку... Что ты теперь – не человек? Пить можешь спокойно, все равно рожать не станешь... Этому ребенку все равно, он заранее мертвый.

– Замолчи!

– Почему? – Марина оскорбленно поджала губы. – Ты из себя недотрогу не строй. Я тоже аборт делала, только, в отличие от тебя, не на шестом месяце. А это пузо... Тьфу, смотреть не могу!

Наташа собрала отжатое бельё в таз, подхватила его и молча вышла из кухни. Ее комната была в самом конце коридора, она торопливо вошла и заперлась изнутри, оставив ключ в замке. Бросила таз на пол и разрыдалась.

Плакала она долго, горько, и было ей как никогда больно и одиноко в этой грязной общаге, в комнатке с ободранными обоями, с невымытым окном и старой мебелью.

Потом Наташа вытерла слезы полотенцем, развесила бельё на веревке, протянутой через всю комнату, напилась холодной воды из чайника и задумалась. Она прожила в Москве уже четыре года, но несколько раз в год обязательно ездила домой, к маме в Рязань. Билеты были недорогие, ехать недалеко, и какие-то деньги у Наташи всегда находились – мать давала да еще присылала с оказией продукты... Да, она хорошо устроилась в Москве! Как повезло с комнатой – полагалось селиться по двое, но соседка Наташи сразу переехала к сестре, которая давно жила в Москве, и приходила раз в полгода – оставить вещи или забрать... Учеба давалась легко – институт был гуманитарного профиля, и требовалось одно – много читать и грамотно писать... Во всяком случае, Наташе хватало этого, чтобы получать пятерки на экзаменах. Мать гордилась ею, и даже отчим, казалось, стал добрее – ведь падчерица сгинула с его глаз. Мальчишки? Нельзя сказать, чтобы Наташа ими совсем не интересовалась... Но все же до каких-то пор она не переходила определенных границ – страх был слишком силен. Еще на первом курсе случилась с нею коротенькая любовная история, о которой она вспоминала как о странном сне – зачем все это было и к чему? Парня она не любила, да и он не говорил о безумной любви – она просто уступила ему, потому что вдруг стало лень отказываться... Закончилось все очень

скоро и без всяких последствий. После этого она совсем успокоилась и решила даже, что следующим ее мужчиной будет только муж... И вот накануне последнего Нового года...

...Ариф тоже учился в этом институте. Правда, он уже закончил учебу и должен был уехать к себе на родину, в Сирию, но почему-то задержался в Москве. Наташа прекрасно знала его в лицо, знала имя, знала его жену – эта девчонка тоже жила в общеаге. Правда, они не были подругами, что немного утешало Наташу, когда она начинала проклинать себя в очередной раз. Наташе казалось, что Ариф не обращает на нее никакого внимания, и это ее совсем не волновало. Только тогда, накануне Нового года, вспомнила об этом и удивилась – она не могла понять, откуда теперь взялся такой интерес к ней... Ариф пришел в общежитие в гости к каким-то своим прежним друзьям. Наташа стряпала на кухне, собиралась пойти отмечать Новый год в комнату к подруге, хотела сделать салат и небольшой пирог с яблоками... Ариф вошел на кухню с сигаретой в руке, вежливо поздравил ее с наступающим праздником, закурил у окна и молча стал рассматривать ее. Потом спросил со своим мягким акцентом, на каком курсе учится Наташа, давно ли живет в общежитии? Давно? Тогда почему они раньше не встречались? Встречались? Не может быть... Наташа вспоминала, что почему-то сразу начала с ним кокетничать, хотя вообще кокеткой не была.

– Да вы просто на меня не обращали внимания, – заметила она, быстро кромсая ножом вареную картошку. – Кстати, как жена поживает? Ее, по-моему, Леной звать?

Ариф ничуть не смутился.

– А, вы знали Лену? – весело спросил он. – Да, она теперь в Питере у своих родителей. Мы развелись.

– Что?! – воскликнула Наташа. – У вас ведь ребенок!

– Этот ребенок не от меня, – Ариф вдруг потемнел лицом. – Я не хочу обидеть русских женщин, Наташа, но Лена оказалась...

Наташа не знала, что сказать. Теперь Лена вспомнилась ей довольно отчетливо. У этой девушки была великолепная спортивная фигура, смуглая кожа, живые серые глаза, длинные рыжеватые волосы... Она была веселая, оживленно болтала на кухне, когда готовила обед для Арифа, стойко переносила беременность, всегда нарядно одевалась – муж дарил ей много дорогих вещей, баловал, судя по всему, очень любил...

– Вы ничего не путаете? – осторожно спросила Наташа. – Я, правда, мало видела вашего ребенка, но по-моему, он очень на вас похож...

– А, Наташа! – Ариф махнул рукой. – Зачем об этом разговаривать? Вы где отмечаете Новый год?

– У друзей.

– А кто друзья?

– Они... – Наташа пожала плечами. – Да вот тут рядом по коридору.

– А что, если я вас приглашу к своим друзьям? – спросил Ариф. – Если хотите, приходите с подругами. Придете?

– Не приду, – фыркнула Наташа.

Она действительно не пришла к его друзьям, хотя знала, где они сидят. Поделилась с подругами новостью – никто не знал о разводе Арифа и Лены. Девчонки сочувствовали Лене, кто-то предложил позвонить ей в Питер после праздников... Бедняжка, осталась одна с ребенком!

Наташа в тот вечер мало думала о судьбе несчастной покинутой Лены – как-то не хотелось расстраиваться. Она чувствовала себя такой молодой, красивой, нарядной. Мать прислала ей денег, и Наташа купила специально к Новому году новый костюм – очаровательный голубой костюм классического покроя. Все говорили, что Наташе он очень идет. Она соорудила прическу, подкрасилась, надушилась и теперь весело ела и выпивала в компании подруг, думая, что она, пожалуй, тут самая красивая...

В дверь постучались, и чинно вошли их приятели по курсу.

– Девочки, приглашаем к своему столу. Мы без вас есть и пить не станем. Дебоша не будет, не переживайте.

– Жаль... – Марина заиграла глазами. – А кто это там жмет за дверью?

– Это Ариф... Зайди, наконец! – И его почти втолкнули в комнату. – Стесняется, видите ли...

– Меня не приглашали... – смущенно начал Ариф, глядя на Наташу, та хохотала во все горло – была уже довольно пьяна.

– Ну, так пригласят. Все, девчонки, давайте к нам!

Столы объединили в другой комнате. Водка полилась рекой, Ариф оказался рядом с Наташей и вежливо угощал ее. Он вообще был очень вежливым и воспитанным, этот худощавый смуглый парень в белой рубашке и хорошем костюме. Лицо у него было некрасивое, нос слишком большой, волосы чересчур курчавые, а вот его акцент Наташе даже нравился. Она охотно болтала с ним и поминутно спрашивала:

– Как же ты водку пьешь, мусульманин? Тебе ведь нельзя?

Они уже перешли на «ты».

– Когда я здесь, мне многое можно, – загадочно отвечал Ариф и опрокидывал очередную рюмку. Пил он лихо и почти не пьянел, зато Наташу развезло. За столом завязался неуправляемый пьяный разговор. Ариф вступил в него, успел с кем-то слегка поссориться, с кем-то поспорить о русской литературе, даже прочитал свои стихи в русском переводе – Ариф был поэтом... Наташа уже плохо соображала, перед глазами все плыло, и ей очень хотелось в туалет, но Ариф отказывался выпускать ее из-за стола – как будто в шутку, но на самом деле он уже по-хозяйски держал ее за плечи, и она спьяну не сопротивлялась. Потом смутно помнилось, что разговор зашел о жене Арифа, Лене. Кто-то спрашивал Арифа о ней, а тот натянуто отвечал, что с нею все кончено, теперь он свободный человек... И при этом снова пожимал руку Наташе. Потом Наташа как-то внезапно оказалась у себя в комнате. Ариф сидел рядом с нею на постели и гладил ее колени, потом стал целовать... Она пьяно хихикала, не отвечая на поцелуи, не слушая его вопросов, потом лежала на спине и ее голубой пиджак валялся на полу. Совсем новый пиджак... Она больше думала о пиджаке, чем о том, что сейчас делает Ариф, потом уже ни о чем не думала...

После праздников Ариф некоторое время прожил в ее комнате. Разумеется, тайком от коменданта общежития – ведь он больше не был студентом. Наташа спрашивала, где он постоянно живет, чем занимается, где его вещи – у него был только тот костюм, в котором он встречал Новый год... Ариф отшучивался, но как-то затравленно, невесело... Потом исчез. Наташа обрадовалась этому – ей было очень неловко показываться на кухне, среди студенток были бывшие подруги Лены, и они смотрели на нее как-то странно... Ариф больше не появлялся, и она даже не думала его разыскать. А потом обнаружила, что беременна. Слишком поздно обнаружила – у нее было малокровие, и месячные приходили нерегулярно. Так она прозевала пару месяцев, и теперь живот ее потихоньку рос, а вместе с ним росла страшная тревога... Зимой она съездила к матери – на зимние каникулы. Тогда она еще ничего не знала, и потому не пришлось врать, изображая прежнюю беззаботную девочку. Теперь же она боялась показать родным на глаза. Да и врать было бесполезно – живот сам сказал бы правду. В минуты отчаяния она стучала по нему кулаком – почему он так быстро растет?! Обливалась слезами, похудела, под глазами показались синеватые тени, Наташу часто тошнило, она почти ничего не могла есть, с трудом заставляла себя сходить в загаженный туалет или в душ – запахи там были слишком уж густые и противные... Странно, как она раньше их не замечала... Подруги сочувствовали – Наташа не умела хранить тайны, да и нуждалась в чьем-то совете. И ей посоветовала одна студентка, которая была опытнее других в подобных делах. На ее совести числилось уже пять абортгов за три года жизни в общежитии.

– Вот что! – авторитетно сказала эта девушка заплаканной Наташе. – Никуда этим летом не ездят. Соври матери, что нашла хорошую работу в Москве, и если уедешь, тебя прогонят... Ну, скажи, что журналистика или еще что-то, ты же будущий филолог... Мать только порадуется. Безопасный срок ты уже пропустила, тебя могут так искромсать... Я в последний раз, когда на операцию ложилась, едва живая встала... Чуть кровью не истекла. Подожди до шести-семи месяцев, а потом сделай искусственные роды. Для организма это лучше – тебя резать не будут, скоблить тоже, просто родишь мертвого ребеночка, и все.

Наташа в ужасе выслушала ее, но согласилась. А что ей было делать? Она согласилась бы на что угодно, только бы оттянуть немного срок этой страшной операции. Подруга предложила ждать, и Наташа покорно ждала. Тем временем все остальные девушки ее активно осуждали – аборт на таком большом сроке казался чем-то аморальным. Наташе стало даже легче, когда они все уехали на лето и в общежитии осталось всего шесть человек – она, Марина, еще одна девочка-татарка и трое парней, у которых была работа. У Марины не было денег, чтобы уехать домой, а татарке было не к кому ехать – та была круглой сиротой. Вшестером они маялись без света и без газа, заключили соглашение с вахтерами и бегали к ним на первый этаж кипятить на вахте чайник – там-то электричество было. Вечерами сидели при свечах – каждый у себя или все вместе. Впрочем, парни приходили с работы уставшие, а Наташе было не до них. Марина была от скуки и время от времени напивалась с кем-то из парней, татарка пряталась у себя и до поздней ночи читала книжки при свече. Наташа редко выходила в город. Раз в два-три дня она покупала продукты – стерилизованное молоко, которое можно было хранить без холодильника, хлеб, какие-нибудь дешевые консервы, конфеты... Ела всухомятку, обходилась без чая – не хотела ни о чем просить вахтеров. Один из них поглядывал на Наташу со слишком уж живым интересом, несмотря на ее заметный живот.

Совсем стемнело, но она не зажгла свечи. Лежала на кровати, глядя в потолок, отмахивалась от комаров, влетающих в открытое окно, и слушала тишину в коридоре. Вот чей-то голос. Конечно, это Марина. Разговаривает с каким-то парнем. Наташа закрыла глаза, но тут к ней в дверь громко постучали.

– Кто? – Она оперлась на локоть и приподнялась на постели. – Я сплю.

– Наташ, не дури. Пойдем к Пашке в гости! – Голос у Марины был веселый, возможно, она уже успела выпить. – Только тебя ждем. И Светка там.

– Не хочу я ничего... – глухо откликнулась Наташа. – Не надо.

Тут заговорил Паша – она узнала его хриловатый голос:

– Наташа, ну чего ты киснешь... И так невесело, еще ты дуешься... Я ведь не буду заставлять водку пить... Попьешь соку. Я на работу новую устроился, будь человеком, обмыть надо! Мы хотя и в пещере живем, но все равно надо быть вежливыми!

Наташа неохотно поднялась с постели, прошаркала к двери и открыла ее. На пороге стояли Марина и Паша, в руке у него была зажженная свеча.

– Придешь? – спросил он, быстро поглядев на ее живот. – Да приходи, не бойся, все свои...

– Никого я уже не боюсь... – устало ответила Наташа. – Ладно, приду. Ждите. Только умоюсь.

Она обратила внимание, что Марина переоделась – на ней было лучшее платье.

– В самом деле праздник? – поинтересовалась Наташа. – Надеть парадный костюм?

– Да перестань, Наташка! – рассердилась Марина, отстраняя подругу и входя в комнату. – Сколько тебе еще тут просидеть придется? Месяц-полтора? И всегда в халате? Надень голубой костюм, в котором ты Новый год встречала...

Наташа поморщилась. Этот костюм с тех пор висел в шкафу, он перестал ей нравиться. Она не только встретила в нем Новый год, но и часто надевала его в те недолгие дни, когда с нею жил Ариф. Зачем наряжалась? Хотела ему понравиться? Неужели ей не было безразлично,

как относится к ней этот скрытный, подлый и чужой человек? Наташа назвала себя дурой и ответила:

– Да ладно, надену.

Марина помогла ей переодеться. Подавала Наташе колготки, туфли, свежую блузку и быстро говорила, дымя сигаретой:

– Ничего, у тебя вся жизнь впереди... Маленькое приключение в больнице, и ты станешь на сто процентов умнее, клянусь. А выпить обязательно надо. Знаешь, придет Влад.

Владом звали того самого вахтера, который интересовался Наташей. Это был здоровенный упитанный парень, чем-то неуловимо похожий на Элвиса Пресли. Очень симпатичный, только вот непробиваемо глупый, как подозревала Наташа. Она только рассмеялась:

– Ты предлагаешь мне обольстить его? Своим пузом?

– По крайней мере, он москвич, – заметила Марина без всякой логики. – Ну, пошли!

Общество, которое собралось у Пашки, встретило их довольно вяло – Наташе даже показалось, что никто особенно ее не ждал, пригласили из вежливости. Но в таком случае, зачем уговаривали прийти? Она равнодушно согласилась выпить вина, есть ничего не стала. Татарка Светка сидела в углу и жевала собственноручно приготовленный острый салат. От него исходил сильный запах уксуса. Двое друзей Пашки наперебой принялись ухаживать за Мариной. Та пила водку наравне с парнями, громко хохотала, кокетливо стреляла глазами. Наташа чувствовала себя очень глупо.

Минут через десять пришел Влад. Он был в кожаной куртке, вокруг шеи повязал цветастый платочек. Влад обвел веселую компанию глупыми глазами навывкате и уселся рядом с Наташей. Ему налили водки, и он поздравил Пашу – хозяина застолья, с новой работой. Парни заговорили о заработках, перешли на близкую всем тему – жизнь в общежитии.

– Вы, это... – говорил Влад, шумно посапывая. – Вы нас не подводите. Узнает ректор, что вы тут живете, и нам всем крышка...

– Как узнает? – возразила Марина.

– Припрется когда не надо...

– Он на своей шикарной даче, – вставил Паша. – И зачем бы он сюда приперся?

– А если Наташка вздумает рожать? – внезапно спросил Влад, искоса поглядев на покрасневшую Наташу.

– Ну и что? – фыркнула Марина. – Тебя это не касается.

– Меня-то не касается, а «скорую» придется вызвать. А если она приедет, тогда все откроется... До ректора дойдет обязательно!

– Наташка – девушка воспитанная, рожать не будет, – ответила Марина – Верно, Натка?

– Да пошли вы все... – буркнула та. Ей было и стыдно, и горько. Никакого веселья она не ощущала, и вино не приносило облегчения – пила его, почему-то не пьянея.

Неожиданно подала голос Светка, которая до сих пор молчала:

– Жутко тут, правда?

Никто ей не ответил, и она продолжала, несмело поглядывая на парней:

– Ночью будто в гробу... Тихо-тихо! И так страшно в коридор выйти... Все время думаешь – вдруг надо будет на помощь позвать, никто не услышит...

– Да ты не переживай, – отмахнулся от нее Влад. – Я же вас охраняю всю ночь. Дверь заперта, чего тебе еще?

– А от тебя нас кто охраняет? – захихикала уже совсем пьяная Марина. – Светка привидений боится, понял?

Выпили и снова заговорили на тему, поданную Светкой. Теперь начала Марина:

– А действительно, страшновато... Днем-то наплевать, все равно знаешь, что в здании кто-то есть...

На первом этаже банк, там люди, на втором этот обувной магазин или еще что... Хоть я их не вижу не слышу, но все равно знаю – спущусь, а там кто-то есть...

– Я тебе спущусь! – погрозил ей Влад. – Нет, ребятки, чем меньше вы будете шастать туда-сюда, – тем позже ректор узнает про вас...

– А ночью... – Марина его не слушала. – Ночью верно, страшно. Особенно, когда сплю одна...

Все снова выпили. Наташа скинула на пол туфли и забралась с ногами на диван. Она потихоньку дремала со стаканом в руке, изредка прислушиваясь к разговору. Говорили о всякой чепухе, и только раз она оживилась и подняла голову. Влад сказал:

– Максим говорит, что вроде видел Арифа...

– Серьезно? – воскликнула Марина. – Где? Он же целый день сидит на вахте!

Тут и Наташа раскрыла глаза и внимательно посмотрела на Влада. Максим был его напарником – он дежурил на вахте днем, Влад – ночью. Отсыпались они по очереди. Сейчас Максим тоже должен был сидеть на вахте, внизу.

– На вахте и видел, – гнул свое уже опьяневший Влад. – Не веришь? Спроси у него, я сам удивился, чего тот сюда приперся... Честно говоря, подозрительный тип... – Он покосился на Наташу и пояснил: – Ведь этой зимой, когда он с тобой жил, у него паспорта не было.

– Ариф? – спросила Наташа вдруг онемевшими губами. – Здесь?

– Чепуха! – живо заговорила Марина. – Он давно должен быть в Сирии! Зачем он приперся? Если из-за Наташки...

– А он ничего не сказал Максиму? – вмешалась Света. – Бессовестный...

– Ничего он никому не сказал, – ответил Влад, залпом выпивая очередную рюмку водки. – Просто зашел и тут же вышел, когда увидел Максима. Зачем – непонятно... Может, хотел опять тут поселиться... Такой народ...

– Я, наверное, схожу вниз... – пробормотала Наташа, поднимаясь и на шаривая на полу туфли.

Ее пытались удержать, Влад взял ее за руку и притянул к себе:

– Обиделась, что ли? Подумаешь, поговорили про этого подонка!

– Больше не будешь такой наивной дурочкой... – это, конечно, сказала Марина, но Наташа уже не слушала ее. Она быстро обулась и вышла из комнаты.

На первый этаж пришлось спускаться пешком – лифт не работал. Шла она осторожно, потому что лестница была темная, только внизу, в пролете, виднелся свет на первом этаже. Там находилась стеклянная будочка вахты. Стук каблуков гулко разносился по зданию, и она с опаской смотрела в темные коридоры... Ей казалось, что кто-то перебегает от стены к стене, следит за нею... Обычный вечерний синдром в этой пустой общаге...

Максим сидел, развалившись в потрепанном кресле, слушал радио и курил. Увидев Наташу, цокнул языком и сказал:

– Пригласить пришла?

– Нет, – она вздохнула и облокотилась на металлический турникет возле вахты.

– Жаль... – промычал он и уменьшил громкость радио. – Влад напился?

– Пьет... – Наташа неопределенно пожала плечами. Ей было неловко спрашивать об Ариффе, ведь все в общаге, включая вахтеров, знали, чьего ребенка она носит под сердцем... Знали об этом и преподаватели в институте и даже ректор, наверное, знал... И все знали, что Наташа собралась сделать с этим ребенком. От этого ей было еще хуже.

– Знаешь, Максим... – нерешительно начала она. – Влад мне сказал, что сегодня сюда заходил какой-то араб...

– Да, точно, – кивнул он. – А тебе-то что? Ждала его, что ли?

– Нет, но... Это не Ариф был?

– А кто его знает... – задумался Максим, закуривая новую сигарету. – Для меня они все похожи... Вот Абдулла учился, так я его от Арифа не отличал даже вблизи. Худой был парень, и шнобель здоровый, и кудрявый. Оборванный. Твой?

– Не знаю... – тоскливо ответила Наташа. – Ариф был не оборванный...

– Все меняется, – философски вздохнул Максим. – Думаю, это был не он... Он бы все-таки перекинулся со мной парой слов, мы водки попили в свое время... Да и к тебе бы зашел...

Максим зевнул, посмотрел на часы и разозлился:

– Где Влад?! Меня сменять пора! Эта сволочь то дрыхнет, то по гостям шляется... Позови, пусть спустится!

Наташа тронулась в обратный путь – вверх по лестнице. Идти было трудно, она задыхалась, лестница в темноте казалась еще более крутой. Один раз она оступилась, чуть не упала, и в этот миг ей вдруг стало так страшно, как никогда в жизни. Откуда взялся страх? Она не могла объяснить себе этого и только прибавила шагу... В комнату, где происходила гулянка, она почти вбежала.

Марина была очень бледна и совершенно пьяна, косметика размазалась по потному лицу. Светка исчезла – видимо, решила, что с нее хватит развлечений. Парни развалились на диване – все четверо. Они курили, пуская по кругу папиросу без фильтра, и в комнате стоял отчетливый запах анаши. Наташа поморщилась.

– Рехнулись? – спросила она. – А если кто узнает?

– А кто? – вяло, заплетающимся языком спросил Влад. Глаза у него были глупые и красные, взгляд сонный... – Садись с нами. На, держи... Пацаны, оставьте Наташке...

Он попытался вырвать у них самокрутку, но Паша не дал:

– Она не будет!

– Будет! – настаивал Влад. – Правда, будешь? А, Наталка? Лучше станет...

– Наплюй на пузо... – сдавленно проговорила Марина. Видно было, что она боролась с тошнотой. – Наплюй...

– Я курить не буду, – твердо ответила Наташа. – А тебя, Влад, зовут.

– Кто? – вяло спросил он.

– Максим.

– А, этот подождет... Мало я его ждал? Наталка, сядь!

Он поднялся, нетвердыми шагами приблизился к ней, обнял за худенькие плечи и смачно поцеловал. От него сильно пахло водкой и копченой колбасой. Наташа отвернулась и ударила его по плечу. Она вовсе не испугалась, четыре года жизни в общежитии научили ее отказываться от любых, даже самых навязчивых предложений. И постоять за себя она смогла бы. А в том, что насиловать ее никто не решится, девушка была уверена.

– Иди ты, Владик, – сказала она совершенно спокойно. – Иди вниз, на вахту. Максим не будет ждать.

– Почему... Всего одиннадцать часов... – Влад что-то соображал, глядя на часы. – Чего он выдумал? Пойду, разберусь...

И вышел, захватив с собой куртку.

У себя в комнате девушка наконец почувствовала, как ей плохо. От вина болела голова, а может быть, сыграл свою роль дым анаши... Она замерзла – вечер выдался прохладный, совсем не летний. Ей захотелось выпить чаю. Сделать это можно было только с помощью вахтера – спуститься на первый этаж и попросить подогреть чайник на электроплитке. Так она и поступила, предварительно сообразив, чем ей грозит встреча с Владом. Решила, что ничем, и пошла вниз.

На вахте никого не оказалось. Бормотало радио, в пепельнице высилась гора окурков, наружная дверь общежития распахнута, по вестибюлю гулял сквозняк. Наташа решила, что Максим и Влад курят на крыльце, как часто бывало, и похозяйничала сама – включила плитку,

поставила чайник, присела в потрепанное кресло и принялась ждать, когда закипит вода. Ждала, слушала радио, потом вышла на крыльцо. Огляделась. Совсем уже стемнело, вдалеке на проезжей части горел фонарь – общежитие находилось в стороне от улицы, в глубине двора. Парни должны были стоять где-то неподалеку, но она их не видела и не слышала. Вполне возможно, они пошли купить себе водки или сигарет, но почему вдвоем? Им было строго запрещено не только оставлять вход без охраны, но даже поручать охрану на время кому-то из студентов. Наташа постояла на крыльце, обхватив себя за локти, поеживаясь от ночной свежести. Она глубоко дышала, наполняя легкие прохладным воздухом, в котором ей внезапно почудилось что-то родное – провинциальное – запах травы, чистого неба, сырой земли... Вспомнила о матери и прикусила губу. «Ничего, – попыталась она утешить себя. – Ничего, еще немного потерпеть... Я не увижу ее этим летом, надо будет прийти в себя после операции, мама сразу все поймет, когда меня увидит».

Не дождавшись появления Влада и Максима, Наташа вернулась в вестибюль. Чайник уже вовсю кипел. Она сняла его, выключила плитку. Обернула ручку чайника старой газетой, валявшейся на столе, и медленно, осторожно пошла наверх. На площадке второго этажа было еще не так темно – виднелся свет с вахты. На третьем этаже она совсем замедлила шаг – боялась обжечься, если чайник всколыхнется в руке... Было так темно, что перехватывало дыхание. Наташа с детства боялась темноты и всегда просила маму, чтобы та оставляла в комнате свет, когда укладывала ее спать... Ей послышался какой-то звук в коридоре на четвертом этаже – как будто подошва шаркнула по линолеуму. Один раз. Наташа не была уверена, что на самом деле слышала этот звук, и остановилась, прислушиваясь. Ничего. Она сделала еще несколько шагов. Остановилась. Да, теперь было ясно – кто-то идет к ней из темного длинного коридора.

– Осторожно, – негромко сказала Наташа. Голос ее дрогнул, хотя она пыталась говорить весело. – У меня чайник.

В следующий миг сильные руки тряхнули ее за плечи, бросили к стене. Чайник упал, из него выплеснулся кипяток, обжег ей лодыжку. Она взвизгнула, и потная ладонь наглухо зажала ей рот. Девушка дергалась, пытаясь освободиться, ударила ногой нападавшего, но он был очень силен, хотя и невысок ростом – дышал прямо в лицо Наташе. От него пахло табаком и потом. Перед ее глазами мелькнуло пятно окна на лестничной площадке – ее тащили туда. Она извивалась, как только могла, но тут же была прижата к подоконнику. Теперь он сдавливал ей горло – довольно сильно, так что перед глазами поплыли круги. Однако ей иногда удавалось сделать вдох. Сколько это продолжалось – Наташа не знала, потеряв счет минутам. Знала только, что должна выдержать, должно же когда-то кончиться это наваждение. За что? Кому она причинила зло? Кому помешала?

Дышать внезапно стало легче. Стукнула рама окна – он ее открыл, удерживая Наташу одной рукой. Она ослабела от страха, боли и растерянности и даже не сопротивлялась. С улицы проникал слабый свет уличных фонарей, Наташа посмотрела в лицо нападавшего и задрожала.

– Господи!

Тот, видимо, испугался, что она закричит, и снова сжал ей горло – так сильно, что в ушах у нее застучали молоточки. Потом девушка почувствовала, что подоконник врезался ей в спину. «Я лежу... – поняла она. – Нет!»

Легко, будто куклу, он сдвинул ее за край подоконника, и тело уже наполовину перевесилось наружу. Тогда он одновременно отпустил и ту руку, которой все еще сдавливал ей горло, и ту, которой поддерживал ее под коленями... Мир перевернулся. Со свистом и грохотом взорвался в ее ушах воздух, асфальт, весь двор...

Глава 2

Ранним утром следующего дня к перрону Ленинградского вокзала подошел поезд. Пассажиры торопливо вытискивались из вагонов и спешили к зданию вокзала. Покрикивали носильщики, суетились, заманивая клиентов, шоферы такси. Проводники курили на платформе и сонно переговаривались друг с другом. Утро было серенькое, туманное, но теплое, московский воздух пах дымом.

Лена вышла из вагона в числе последних пассажиров. Она нарочно дождалась, когда проход опустеет – ведь нужно было одновременно тащить и сумку и ребенка. Мальчик до сих пор не совсем проснулся, щурил глаза, пытался потереть их кулачками и хныкал: «Мама, спать хочу!»

– Прекрати, без того тошно! – резко ответила ему Лена и, сняв его с полки, поставила на пол.

– Мы к папе приехали? – неожиданно спросил ребенок.

У Лены опустились руки. Значит, он все-таки понял, что-то услышал из ее разговоров с матерью перед отъездом в Москву. Она предпочла бы, чтобы Сашка ничего не знал и ни на что не надеялся. Ведь он так любил отца!

– Нет, Санечка, – нежно сказала она, поправляя на нем кофточку. – К папе пойдем потом.

– Потом?

– Когда сделаем все наши дела. У нас много-много дел. Ты хоть помнишь Москву?

Сашка неуверенно кивнул. «Ничего он не помнит, – сказала себе Лена. – Ведь когда я увезла его, ему было всего два года. Если и помнит, то разве общагу... Подумаешь, светлое воспоминание детства».

Она вела его за руку, в другой руке тащила сумку. Остановилась на платформе, огляделась по сторонам, мысленно подсчитала деньги в кошельке. Их было немного – только пару дней питаться, да еще на обратный билет... Инна ее не встретила, впрочем, она и не обещала этого наверняка. Сказала, что ей помешает работа, она сильно устает... Кем работает Инна? Кем вообще способна работать такая избалованная девушка, как она? Лена недолго занималась этим вопросом – схватила и потащила Сашку и сумку к метро. Она больше не слушала его капризного хныканья, ей было совсем не до этого. По кольцевой линии они доехали до станции «Курская» и сделали пересадку. Теперь они все больше удалялись от центра. В вагоне было по-утреннему тесно, Сашку кто-то придавил, он громко хныкнул. Лена не смотрела на него, разглядывая свое отражение в темном оконном стекле вагона. Двадцать три года. Приятные мягкие черты лица, гордая посадка головы, длинные, разбросанные по плечам волосы, которые она красила в цвет красного дерева. В стекле не видно выражения ее серых глаз, но Лена знает, что они, должно быть, сейчас злые... Еще бы! Есть вещи, которые не проходят даром никому...

– Мама, пи-пи...

– Ну вот, – устало сказала она, наклоняясь к сыну.

– Другого момента не мог выбрать? Где теперь наш горшок?

– В сумке?

– В сумке. Потерпи чуточку, сейчас приедем.

– К папе приедем?

Эти наивные черные глаза с хитрецей в глубине, трогательный носик-крючок, робкая улыбка... Лена покусала ненакрашенные губы и тоже улыбнулась ему:

– Мы едем к тете Инне. Запомнил? Тетя Инна. Она нас ждет.

– Пирог испекла? – поинтересовался Сашка.

– Откуда я знаю. Может быть, испекла. Потерпишь еще полчаса?

– Ладно, – вздохнул мальчик. – Потерплю полчаса.

И стал откручивать пуговицу на кофточке. Им уступили место, Лена села, придвинула сумку к ногам, взяла Сашку на колени и, вдыхая запах его курчавых волос, снова задумалась. Мысли были горькие, и она так ушла в них, что едва не пропустила нужную станцию. Они вышли на «Первомайской». Лена достала из кармана джинсов бумажку с адресом. Оказалось, что ехать никуда не надо – дом Инны был совсем рядом. Она снова подняла сумку, подхватила Сашку и из последних сил двинулась в нужном направлении.

Инна открыла дверь в белом махровом халатике, едва прикрывающем верхнюю часть бедер, и Сашка сразу обалдел от такой красоты – открыл рот и вытаращил глаза. Ничего подобного он до сих пор не видел.

– Ленка! – завизжала Инна, обнимая подругу. – Ленка! Здорово, что ты здесь!

– Привет... – Лена поцеловала ее в щеку и отодвинулась. – А это мой арабский принц.

– Хорошенький, – Инна потрепала его по голове. Сашка доверчиво смотрел на нее снизу вверх и улыбался, не решаясь от смущения вымолвить ни слова. – Устала? Спать будешь или кофе пить?

– Сначала надо Сашку сводить в одно место.

Ванная у Инны была потрясающая. То есть в самом интерьере ванной не было ничего шикарного – обычный белый кафель, не очень чистый, отечественная сантехника, беленый потолок. Но какие пушистые полотенца разных цветов, какой набор кремов и шампуней, какая гора дорогой косметики на зеркальных полочках... Рядом с зеркалом на подставке красовался огромный фен последней модели. Лена подсчитала, что на сумму, в которую он обошелся Инне, она с Сашкой могла бы питаться полмесяца. Сашка тоже вертел головой, рассматривал эти чудеса и пытался все потрогать своими цепкими смуглыми пальчиками.

Они вышли из ванной, и Инна прокричала с кухни:

– Идите сюда! Я сварила кофе!

– Ты здорово устроилась, – пробормотала Лена, усаживая Сашку за стол и садясь рядом. – Снимаешь?

– Конечно, – фыркнула Инна. – Я бы устроилась еще лучше, если бы квартира была моя. Снимаю за бешеные бабки. Потому что вся мебель хозяйская и рядом с метро, и телефон есть...

– Сколько платишь?

– Триста пятьдесят долларов в месяц. Нравится цена?

– Нет... – Лена покачала головой. – Я таких денег давно в руках не держала.

– Н-да? – Инна пытливо осмотрела ее. – Ладно, поговорим. Сашка, кушай булочки!

Мальчик ел, запивал сдобу молоком и клевал носом. Он не смог выспаться в плацкартном вагоне – всю ночь в соседнем купе играли в карты и громко разговаривали, да еще где-то плакал грудной ребенок. Лена тоже была как выжатая, у нее болела голова, но после чашки крепкого кофе все как рукой сняло. Она вздохнула свободнее и потянулась за сигаретами. Девушки закурили. Сашка заморгал глазами и хитренько сказал матери:

– Куришь, да? А вот я бабушке скажу!

– Доносчик... – процедила Лена. – Бабушка далеко.

– Все равно скажу.

– Сейчас пойдешь спать! – властно ответила она. – Инна, где его можно положить?

– А пусть ложится рядом с невестой, – весело ответила Инна. – Пошли!

В комнате стоял оранжевый сумрак – занавески были задернуты. В углу, на широкой постели спала, раскинувшись, девочка – совсем крохотная, белокурая, кудрявая... На вид ей было около полутора лет.

– Какая лапушка... – тихо сказала Лена. – Как ее зовут?

– Оксана... – прошептала Инна. – Хорошенькая, верно? Блондинка, в меня... Нравится тебе невеста? – обратилась она к Сашке.

Тот заворожено кивнул, не сводя глаз с девочки.

– Смотри, влюбился! – прыснула Инна. – Горячая кровь, восточная... Лен, раздень его и положи рядом. Я тебя на кухне подожду.

Сашка заснул почти сразу – он слишком устал, чтобы, как всегда, покапризничать перед сном, попросить сказку, водички – словом, потянуть время. Через десять минут на постели рядом мирно лежали две детские головки – черная и белокурая. Лена укутала обоих и осторожно вышла из комнаты.

Они с Инной снова закурили и теперь уже могли неторопливо беседовать и рассматривать друг друга. Лена сразу обратила внимание на то, как прекрасно выглядит ее подруга. Инна и раньше казалась ей очень привлекательной – высокая, стройная блондинка с узкими зелеными глазами, пухлыми губами и своеобразным носом – мать ее была грузинка. С тех пор как они расстались, Инна еще похорошела – кожа светилась здоровьем и свежестью, на щеках играл нежный румянец, тело покрывал ровный красивый загар, словно девушка только что вернулась с моря.

– Здорово выглядишь... – признала Лена. – Где отдыхала?

– Нигде, – засмеялась та. – Это я хожу в солярий, на загар, два раза в неделю.

– Боже мой! Так ты стала богатая? Квартира, солярий, шикарная косметика...

– Совсем нет, – Инна пожала плечами. – Работа обязывает и только. Я тратила бы меньше на себя, но нельзя. А вот ты какая-то усталая... Несладко пришлось?

– Что и говорить, – вздохнула Лена. – Ты же помнишь Арифа...

– Да, – уклончиво ответила Инна, еще больше сузив блестящие яркие глаза. – Я помню, как вы мучились с ребенком, когда ты закончила институт.

– Да и ты в то время тоже родила, – откликнулась Лена. – Но тебе хоть родители помогали.

– Родители?! – Инна вдруг заволновалась и придвинулась к подруге. – Мать назвала меня проституткой, ты ведь знаешь, какая она правильная и строгая... Отец что-то бурчал, но я бы на него наплевала, если бы не мать... И вот мне пришлось от них уйти. Теперь ни копейки не беру! Все сама!

– Как я тебе завидую, – прошептала Лена. – Мне бы так. Эти вечные попреки... И меня ведь тоже не лучше называют, хотя у меня-то был какой-никакой муж.

– А мне никакого мужа не надо! – злобно ответила та.

– И правильно... Лучше никакого, чем такой, как у меня, – грустно согласилась Лена.

И почти поверила в свои слова. Она знала, что отец ребенка Инны неизвестен, никто его не видел, и трудно было даже предположить, кто это мог быть. Инна, казалось, совсем не переживала по этому поводу. Могло случиться и так, что она сама не знала отца. Девушка отличалась легким веселым нравом, охотно принимала участие в некоторых студенческих развлечениях в общежитии или у кого-то на дому... Она родила девочку, когда была на третьем курсе. Лена к тому времени уже была матерью годовалого Сашки и заканчивала институт. До этого девушки довольно тесно дружили, хотя и учились не на одном курсе, и характерами были не слишком похожи – Лена обычно держалась в стороне от шумных компаний, хотя ханжой не была. Сближало их одно обстоятельство – они два года вместе вели группу аэробики в институте. У обеих в прошлом были занятия в хореографических кружках, у обеих спортивные точеные фигуры, легкие движения и изящные формы. Конечно, после рождения детей занятия пришлось забросить. Инна – та вообще бросила институт, не пожелала даже взять академический год. Сказала: «С меня довольно!» – и ушла. Лена тянула лямку – готовила диплом, иногда вырывалась на занятия, когда удавалось упрямить кого-то посидеть с Сашкой в общежитии... Они иногда переписывались, а встречаться было трудно. Но в конце концов вышло так, что когда Лене пришлось ехать в Москву, у нее не оказалось подруги ближе, чем Инна... И та с радостью согласилась дать приют ей и ее ребенку на несколько дней.

– Ты ведь знаешь, как мы мучились в Москве в тот год... – продолжала Лена, тоскливо глядя в угол. – Ну, когда я уже закончила институт. Ариф не захотел ехать ни к своим родителям, ни к моим...

– Подлец он, – подхватила Инна. – Наверное, он тебя стыдился. Русская жена, как же! Все они относятся к нам как...

И она изобразила пухлыми губами плевков. Лена пожала плечами:

– Не знаю, в чем было дело... У него не было никаких документов, ты ведь знаешь... Куда он дел свой паспорт, почему не продлил? Ведь это было так просто! А он все говорил – успею, потом, ничего страшного... Ну, и бегал весь год по Москве, спасался от ментов... Его же с такой внешностью постоянно проверяли на улицах.

– Но деньги-то у него были? Ведь вы снимали квартиру.

– Даже две квартиры, – Лена махнула рукой. – В одной ты была, в первой... Из-за нее-то я и здесь.

Когда она закончила институт, Ариф настоял на том, чтобы они остались в Москве. У него была какая-то работа, в подробности которой он жену не посвящал. Работа была связана с торговлей, но чем он торговал – Лена до сих пор точно не знала. То ли мылом, то ли порошком для стирки и чистки посуды, то ли дешевыми арабскими шампунями, то ли жвачкой... Все время, пока Ариф был в Москве, он пытался чем-то торговать. Иногда получал прибыль и тогда делал жене дорогой подарок. Самым крупным его предприятием было открытие кондитерского отдела в булочной неподалеку от общаги. Это было, когда Лена еще училась на пятом курсе и возилась с новорожденным ребенком. Ариф договорился с заведующей, что снимет угол в булочной, построит там прилавки, поставит кассу и начнет торговать арабскими кондитерскими изделиями – печеньем, вафлями, леденцами, конфетами, жвачкой... Так он и сделал. Лена радовалась, когда видела красивые золотистые прилавки, Светку-татарку за кассой (Ариф дал ей эту работу), покупателей, рассматривающих товары... Две недели торговля шла полным ходом. Выручка была приличная, и она сразу ощутила это на себе – Ариф купил ей шикарную куртку на меху, золотое кольцо с двумя маленькими бриллиантами, дал денег на одежду для Сашки, на столе появились дорогие продукты... Кончилось все внезапно – оказалось, что Ариф договорился с заведующей авансом – обещал выплатить аренду после первой недели торговли. Так же авансом он построил прилавки, так же – в долг – набрал товару у знакомых арабов на складе... Пришел срок платить по счетам, и тогда-то оказалось, что деньги куда-то исчезли... Лена швырнула ему в лицо новую куртку, сорвала кольцо, скандалила со Светкой в коридоре – та, оказываясь, поставила Ариффу условие, что будет получать зарплату каждый день, по частям, и получала-таки ее... В кассе оказалась такая смехотворная сумма, что Ариф не смог даже умастить заведующую, не говоря уже о других расходах. Кроме того, он совершенно упустил из виду тот факт, что надо было получить сертификаты на все товары. Заведующей он соврал, что бумаги есть, и как-то сумел уломать и очаровать ее. Да, обманывать Ариф умел великолепно! Отдел закрыли, прилавки заведующая оставила себе «в счет убытков» и самостоятельно открыла там новый отдел. Ариф прятался от кредиторов и успокаивал жену – все скоро уладится, он найдет деньги... Не лучше были и другие его предприятия. Во всех них он руководствовался одним принципом – брать товар в долг, избегать любых отношений с налоговой инспекцией и санэпидстанцией, и в результате оказывался ни с чем – разве что с кучей долгов и штрафов... Но к тому времени, когда Лена закончила институт, у Арифа откуда-то взялась небольшая сумма – долларов пятьсот, и он снял квартиру в Текстильщиках. Прекрасную двухкомнатную квартиру, очень дешево, правда, далеко от метро, но зато после ремонта, с необходимой мебелью и телефоном. Лена наконец могла спокойно стирать пеленки и купать ребенка, готовить еду на собственной кухне, принимать ванну и спать на чистых простынях. Она так устала от общежитского быта, что даже боялась спрашивать Арифа, как долго продлится это благополучие. С виду все было превосходно – он уговорил хозяйку квартиры,

что платить будет в конце каждого третьего месяца – сразу по шестьсот долларов, дал аванс за месяц – двести... Хозяйка была довольна и даже поиграла с Сашкой, когда увидела ребенка... Лена блаженствовала. Ариф уходил куда-то утром и возвращался вечером. Усталый, голодный, мрачный... Но успокаивал жену – все идет хорошо, деньги будут. Через четыре месяца, когда пришла хозяйка, он сказал ей, что теперь они заплатят сразу за полгода. Хозяйке предъявили ребенка, и эта добрая женщина растрогалась, восхитилась младенцем и ушла. Лена уже была как на иголках – ей вовсе не нравилось такое положение, и было стыдно перед хозяйкой.

– Ариф! – говорила она вечером, когда он приходил домой. – Мы же не сможем заплатить... Откуда ты возьмешь эти деньги? Давай откладывать... Я продам кольцо, куртку... И у тебя столько долгов!

– Долги я заплатил! – отвечал Ариф.

– Откуда ты взял деньги?! Почему я не вижу этих денег...

Он обнимал ее и шутливо терся головой о ее грудь:

– Моя дорогая суровая жена... А что я, по-твоему, делаю с утра до вечера? Работаю!

– Где?

– Везде!

И больше Лена ничего вытянуть из него не могла. Так прошло еще три месяца. На этот раз хозяйка пришла не в таком уж веселом настроении. Видимо, она посоветовалась с кем-то, и ей объяснили, как глупо доверять таким жильцам, как Ариф с Леной. Она поставила жесткое условие – все деньги через неделю и еще за два месяца вперед. Тогда она оставит их на квартире. Если же нет...

– Хорошо, – легкомысленно ответил Ариф. – Через неделю мы вам заплатим тысячу двести долларов за то время, которое прожили и еще четыреста долларов вперед. Не переживайте, пожалуйста!

Разумеется, ничего они не заплатили. Лена билась в истерике и требовала, чтобы Ариф что-то сделал. Занял деньги, позвонил своим родителям в Дамаск, поехал с нею в Питер... Он ласково успокаивал ее, но она уже понимала, что все его заверения гроша ломаного не стоят. Миновала неделя. Хозяйка пришла не одна – с нею явились двое мужчин. Они сразу выяснили, что денег у жильцов нет и, кажется, не будет, и занялись бурной деятельностью. Лена лишилась золотого кольца и сережек, которые когда-то подарила ей мать. Ариф отдал свои дорогие часы. Также они оставили в залог мебель, которую привезли из общежития и телевизор.

– А теперь адресок! – сказал один мужчина.

– Какой? – Лена вся горела, не смела посмотреть им в глаза.

– Постоянного места жительства.

– Мой муж – иностранец, – объяснила она. – Вам нужен его адрес в Дамаске?

– Нет. Ваш адрес, где вы прописаны?

– В Питере.

– Там у вас кто?

– Мать... И бабушка.

– Вот и давайте паспорт, мы запишем их адрес, если вздумаете не заплатить, пожалеете.

Она покорно отдала паспорт, хотя Ариф сделал попытку возмутиться. Никто его не слушал.

– А в Москве родственники у вас есть? – спросил ее тот же мужчина.

– Никого у нас нет.

– И никто вам в долг не даст?

– Никто.

– Жаль. Для вас было бы лучше. Ну вот что, девушка! Отсюда вы уйдете немедленно, сейчас же. Вещи остаются в залог. Вашей хозяйке они не нужны, она их продавать не будет, да они и не покроют сумму долга. Когда принесете деньги, она вам все вернет. Ясно?

– Но куда же мы пойдем с ребенком? – умоляюще спросила Лена.

Снова вмешался Ариф. Он гордо заявил, что сейчас они с женой уйдут, ничего им не нужно, никаких отсрочек. И заставил Лену в полчаса собрать только самые необходимые вещи. В спешке она оставила всю свою косметику, полотенца, постельное белье, успела взять только одежду ребенка, свою и Арифа... Книги, посуда, одеяла – все осталось там. Больше они в ту квартиру не возвращались. Начались скитания.

Они ночевали на квартирах у знакомых Арифа, где Лена не знала ни одного человека и не понимала ни одного слова – все говорили по-арабски. Две недели прожили в гостинице, где тоже не заплатили. В гостинице было полно арабов, и Лена боялась ходить в душ, который был один на весь этаж. Там было грязно, холодно и отовсюду неслась тягучая музыка и темпераментная восточная речь. У Лены разваливались туфли, она давно забыла, что значит одеть приличное платье, Ариф становился похожим на бродягу, его все чаще штрафовала милиция. От ареста спасала поддельная зачетная книжка того самого института, где он учился с Леной. Это были его единственные документы. Лена изредка звонила маме в Питер и говорила, что Ариф работает, живут нормально... Жаловаться она не могла – мать и без того была настроена против этого брака, Арифа не выносила, подозревала во всяких мерзостях по отношению к Лене. Ребенок стал неухоженным и нервным, по ночам кричал и не мог уснуть. Отношения с Арифом портились день ото дня, он не позволял ей даже заикаться о будущем, деньгах, долгах... Требовал, чтобы она молчала и делала свое дело – ухаживала за ребенком. Лена была на грани нервного срыва, когда Ариф сказал, что теперь они снова снимут квартиру.

– Нет! – закричала тогда Лена. – Что ты выдумал? На какие деньги? Не пойду!

– Нам нужна квартира хотя бы на месяц... – непреклонно отвечал Ариф. – И прошу тебя, замолчи! Я слишком устал!

Он был похож на мумию, от него остались кожа да кости. Лена не решилась ему возражать. Они переехали на новую квартиру. Это была однокомнатная халупка в хрущевском доме, обставленная очень скудно, с провалившимся диваном и потеками на потолке в ванной и кухне. Лена уже не радовалась. Она даже не спросила, как Арифу удалось снять квартиру. Выяснила только, что платить придется дороже, чем в первый раз – двести пятьдесят долларов в месяц. Конечно, с той, первой квартирой им неслыханно повезло, она теперь понимала это. Если бы она тогда настояла на том, чтобы откладывать деньги на оплату, если бы вообще умела на чем-то настаивать! Не то чтобы она была робкой и безответной, нет... Но невозможно было что-то доказывать такому человеку, как Ариф. Он мог даже согласиться для виду с ее доводами, а потом все равно сделать по-своему. Не имело смысла воевать с ним, она заранее проигрывала любую борьбу.

Ребенок ломал на части телефон, ползал по холодному полу, чихал и кашлял, Лена, как сомнамбула, стирала белье, готовила скудные обеды, убито выслушивала вечернее молчание Арифа... Теперь он все чаще молчал, вместо того чтобы убеждать ее, что все будет хорошо, как было раньше. Так они прожили полтора месяца. И вот наступил тот вечер. Лена прекрасно запомнила его, может быть, потому, что Ариф впервые сказал ей что-то похожее на правду.

– Знаешь... – начал он, теребя пуговицу на рубашке. Рубашка была дешевая и нечистая. Лена тупо глядела на него. – Так дальше невозможно... Тебе надо на время уехать к матери в Питер.

– Да? – откликнулась она. – А ты?

– Я останусь в Москве и попробую заработать денег.

– И что дальше?

– Я сниму квартиру и вызову тебя с сыном. Будем жить по-человечески.

– Опять потратим все деньги... – Лена пожалала плечами. – Сколько можно снимать квартиры? Таким голодранцам, как мы, это не по карману... Почему ты не хочешь позвонить своим

родственникам в Дамаск? Почему они тебе не помогут? Ты же говорил, что они богатые, что у вас там трехэтажный дом, фонтан во дворе, и у всех машины... Врал?

Ариф разозлился:

– Да ты в жизни не видела того, что я там видел! Врал! Конечно, тебе этого не объяснишь!

Это я в Москве голодранец, а там я мог быть принцем!

– Так будь им, – иронично согласилась Лена. – Давно мечтаю увидеть тебя принцем.

– Ты не представляешь себе, о чем говоришь!

– Как же я буду представлять, если ты мне ничего толком не объясняешь?! Разве трудно попросить, чтобы они прислали тебе хоть тысячу долларов? Раз уж они такие богатые... Или они тысячи долларов в руках не держали?

– Заткнись! – заорал Ариф.

Лена не шелохнулась. Теперь он часто орал на нее, мог оскорбить, выругаться матом, откуда-то взялись новые замашки, она считала, что он научился этому у торгашей на рынке, где постоянно пытался что-то заработать. А раньше он был таким вежливым, галантным... Настоящий принц в дорогом костюме...

Ариф закурил и протянул ей сигарету. Так они сидели на кухне друг против друга и пускали дым в потолок. Наконец она сказала:

– Ладно, ты в чем-то прав. Надо что-то переменить в жизни, иначе я недолго протяну. И потом ребенок... Мне его жалко... С чего начинается его жизнь? Трудно поверить, что когда-то мы жили хорошо... Я поеду к родителям. А ты? Как ты будешь крутиться тут один, без документов, без работы?

– Одному будет легче, – возразил Ариф, который, как будто, очень обрадовался ее словам. – Легче с жильем, могу жить у знакомых, и вообще... Расходов будет меньше. А как только что-то заработаю, сразу пришлю тебе деньги в Питер, чтобы ты приехала!

На том и порешили. Лена уехала с Сашкой в сентябре. Ариф проводил их на вокзал, усадил в поезд, и она еще некоторое время видела в окне его жалкую худую фигурку в трепаной куртке и джинсах... Потом он пропал из виду.

... Инна выслушала этот рассказ молча, не перебивая, не сводя с Лены глаз. Потом вздохнула и спросила:

– Ну и что?

– А ничего... – Лена горько улыбнулась. – Я ждала его звонка, ждала денег... Мать меня доканывала, бабка и того хуже... Сашку, правда, не травили, все-таки дитя, но с меня семь шкур спустили... Приходилось каяться каждый день в том, что была такой дурой... Жила за счет матери, обещала ей, что Ариф пришлет денег. А он пропал!

– Как, совсем? – насторожилась Инна.

– Совсем. Ни разу не позвонил, не написал... Так прошел почти год. Я перестала ждать, перестала ему верить... Звонила сюда, в Москву, его знакомым арабам, телефоны кое-какие были... И все мне отвечали одно, как сговорились: «Ариф? Ничего не знаем и знать не хотим!» Никто даже не мог сказать, в Москве он еще или уехал к родным в Дамаск. Представляешь? А я там отдувалась с ребенком.

– Какая тварь этот Ариф! – с чувством произнесла Инна. – И ни копейки?

– Но самое худшее не это... Квартира, наша первая квартира! Мужики, которые тогда записали мой адрес, потребовали и телефон дать. И вот теперь стали мне названивать, а потом и с матерью разбираться. Все нервы вымотали! Когда мать узнала, что им надо заплатить тысячу двести долларов...

– Ариф, дрянь! – повторила Инна. – Попадись он мне!

– Да плевала я на него... – Лена снова закурила и поморщилась, разгоняя дым. – Теперь сама не понимаю, как могла быть такой доверчивой дурочкой... Ребенок на руках, работы

найти не могу, и долг... Они в последний раз пригрозили, что, если я не привезу им деньги, они меня найдут в Питере и разберутся по-другому!

– Что – так всерьез? – задумалась Инна. – Это крутые мужики? Мафия?

– Не думаю. Но это дела не меняет. Как я могу жить спокойно, если каждую минуту думаю об этих деньгах... И зачем мне нужна была та квартира? Если бы я тогда поставила на своем и мы с Арифом уехали бы в Питер! Он нашел бы работу, жили бы у нас...

– Ты же сама сказала, что никаких документов у него не оказалось, – напомнила Инна. – Как он нашел бы работу?

– Боже, голова раскалывается!

Инна облокотилась на стол и погладила подругу по плечу:

– Расслабься! Меньше думай о неприятностях, ты и так выглядишь страшно усталой! Здесь немного передохнешь...

– Если бы! – Лена допила остатки кофе и отставила чашку в сторону. – Я ведь не отдыхать приехала. Ты прости, что я свалилась как снег на голову и даже не объяснила ничего... Но переговоры стоят дорого, а лишних денег у меня нет. Ведь даже те гроши, которые у меня в кармане – не мои, а матери... И я поклялась их вернуть. Не думаешь ведь ты, что она устроила мне прогулку в Москву только ради моего удовольствия... Ни за что бы меня не пустила, если бы не деньги...

– Деньги?

– Ариф прислал мне деньги, – пояснила Лена. – Фантастика?

– Ну, я тебя поздравляю! – иронично улыбнулась та. – И сколько прислал? Откуда? Ты с ним говорила? Он звонил?

– Ничего не знаю. Мне позвонил его родственник, Мухамед. Ты его, кажется, немного знала?

– Видала пару раз, когда он приходил в институт. Красивый парень, не то что Ариф...

– Да, ничего себе. Но для меня теперь все они одинаковы, с этими людьми для меня покончено. Какие они лживые, корыстные, мы для них – мусор под ногами! Они могут быть очень вежливыми, а на самом деле они нас презирают!

– Ишь, как ты запела! – ухмыльнулась Инна. – А когда-то была интернационалисткой! По-твоему, русские мужики никого не обманывают?

– Вовсе нет, но с русскими мужиками мне как-то меньше приходилось сталкиваться.

– Ну, так поверь моему опыту – все они на один манер сделаны. Так что Мухамед?

– Он сказал, что Ариф уехал к себе на родину, в Сирию. Где-то полгода назад.

– Сволочь! – с наслаждением произнесла Инна. – Деньги на билет у него были, значит?!

– Нет, перед этим он два месяца просидел в тюрьме, его поймали в очередной раз без документов и засадили... Потом родня вроде вытащила его оттуда и купила билет домой. Два месяца никто не знал, где он находится. Мухамед спрашивал, не сержусь ли я на Арифа. Объяснял, что у него были тяжелые обстоятельства, но он никогда не думал меня бросать. Я ничего ему на это не сказала. Сдержалась. Не в моих обычаях оскорблять людей.

– А зря сдержалась! С такими типами не церемонятся!

– Была бы ты на моем месте... У тебя есть возможность огрызаться, потому что деньги водятся, а у меня ни гроша и куча проблем... Тут уж любой человек становится вежливым и тихим. Еще Мухамед сказал, что как только Ариф оказался дома, он стал бегать по родным и занимать деньги на билет мне и сыну, на визу и прочее... Собрал нужную сумму, купил нам билеты в Дамаск и визы, прибавил денег и отослал все в посольство в Москве... На мое имя. И вот я должна срочно приехать и все забрать.

Инна смачно выругалась, ее глаза сузились в две ядовитые шелки:

– У меня слов нет! Он уверен, что ты прибежишь к нему после всего, что было? После того как он наплевал на тебя? Сидел в тюрьме? Два месяца? А какого черта он молчал все

остальное время, ведь вы не виделись почти год! Позвонить не мог? Потерял твой телефон, адрес? Совесть он потерял! Просто решил отдохнуть от тебя и сына! А тут, видно, ему в уши нажужжали, что непорядочно бросать жену с ребенком... Нашелся какой-то нормальный человек! И ты собираешься к нему ехать?

– Нет... – Лена вдруг смущенно улыбнулась. – Знаешь, я впервые в жизни решила на кражу.

– Что?

– Ну, деньги ведь и билеты, которые он прислал, все равно мои, да? А билеты наверняка можно сдать обратно. Никуда я не поеду, и ребенка не повезу. Не дождется! Я с ним давно развелась – в уме. И ничего я к нему больше не чувствую – даже ненависти. Я так устала от его бесконечного вранья, глупых планов, от самодовольства, скрытности... Понимаешь, это такой человек, что врет всегда – спросишь его, что он ел на обед, скажет – курицу, хотя на самом деле ел рыбу. Зачем врать в таких мелочах? Это необъяснимо! И я сразу решила – заберу все, превращу в деньги и заплачу московский долг. Больше мне ничего в жизни не надо. Как ты думаешь, сколько стоят билеты в Дамаск?

– Ой, боюсь, не дорого... – задумалась Инна. – Долларов триста, где-то так... А ты сколько должна заплатить?

– Тысячу двести.

– А сколько он денег прислал?

– Мухамед не знает. По-моему, у него возникли какие-то подозрения на мой счет. Он ведь не дурак, можно догадаться, что я украду эти деньги.

– Эти деньги по праву твои, никакая это не кража! – Глаза Инны сверкали просто бешено.

«Вот что значит кавказский темперамент! – подумала Лена, любясь подругой. – Мне бы в нужную минуту такой убийственный взгляд, не сидела бы я здесь в старых джинсах!»

– Деньги твои, и не только эти гроши, которые он прислал! – продолжала Инна. От возбуждения она стучала по столу кулаком, так что чашки звенели о блюда. Характер у нее действительно был взрывной, но отходчивый... Она могла захохотать, взбеситься, успокоиться и приласкаться – все за десять минут. Лена даже заулыбалась, глядя на этот приступ праведной ярости. Инна казалась ей совершенным ребенком, хотя была младше ее всего на два года. Дитя – красивое, загорелое, ухоженное... Дитя – несмотря на то что уже стала матерью и, наверное, тоже хлебнула неприятностей... Но эти невзгоды не оставили следа на ее лице, тогда как на свой счет Лена не обольщалась – теперь она выглядела старше своих лет.

– Ты совсем не изменилась, – тихо и печально перебила ее Лена. – Все такая же... А я даже кричать не могу. Не знаю, что теперь может меня расстроить по-настоящему? Только атомная война...

Инна вскочила и зашагала по кухне, посыпая пол пеплом сигареты. Наконец остановилась, потуже затянула халат на тонкой талии и уже спокойнее сказала:

– Я тебя одобряю. Никуда не езжай, будешь там жить бог знает где, в чужой семье, языка ты не знаешь, Ариф не добытчик, тебя не сможет содержать... Станешь есть чужой хлеб. Даже поговорить тебе будет не с кем. А как к тебе будет относиться?

– Страшно представить...

– И не представляй! Оставайся тут!

– Да я и остаюсь... – засмеялась Лена. – Ты меня еще уговариваешь?

– Ты меня не поняла. Оставайся в Москве!

– Что ты? – Лена весело округлила глаза. – Кому я тут нужна? Разве что кредиторам...

– Ты мне нужна, просто необходима! – торопливо заговорила Инна. – Я даже не представляла себе, что у тебя такие обстоятельства... Ну, знала что-то про тебя и Арифа... У меня тебе будет лучше!

– Инна, таких предложений всерьез не делают, – вздохнула Лена. – У тебя что – наследство в миллиард, своя квартира, с жиру бесишься? Кто меня будет кормить? Нет, ты пошутила.

– Вовсе нет... – Лицо у Инны запылало, она показалась Лене такой молоденькой и хорошенькой, что та не удержалась и воскликнула:

– Но как же ты потрясающе выглядишь! Это какое-то чудо...

– Вот и поговорим о чуде, – Инна присела за стол и наклонилась к Лене: – Угадай сумму, которую я получаю в месяц.

Лена задумчиво посмотрела на нее.

– За квартиру ты платишь триста пятьдесят баксов в месяц... Шмотки, косметика, солярий... Наверное, делаешь массаж, маникюр, ходишь к парикмахеру? Иначе ты бы так не выглядела...

– Прибавь питание, расходы на Оксанку, развлечения, отдых на курорте...

– Сколько же тебе на это надо? Тысячу долларов в месяц?

– Хм... – загадочно протянула Инна.

– Больше? Не может быть! Ты же пошутила?!

– Ничуть. Я зарабатываю тысячу семьсот.

Наступило недолгое молчание. Девушки разглядывали друг друга – Лена недоверчиво и почти подозрительно, а Инна, казалось, проверяла произведенное впечатление. Первой заговорила Лена:

– Но ты, надеюсь, не...

– Я – не, – озорно ответила та. – Проституция меня никогда не привлекала. Позорный и тяжелый хлеб. Гадость. И мать бы меня убила.

– Тогда не понимаю... – Лена с жадным интересом всматривалась в глаза подруги, словно перед ней сидело загадочное инопланетное существо. – Как может женщина с ребенком на руках заработать такие деньги... Прости за вопрос, тебя кто-то содержит?

– Меня?! Ха! – резко выкрикнула Инна. – Я работаю стриптиз.

– Стриптиз?!

– Ну да. Танцую голая на сцене... – Инна говорила даже цинично, с вызовом, но в ее тоне заметно было беспокойство. Она еще выше подняла точеный подбородок, в глазах появилось напряженное выражение. Лене стало ясно, что для нее очень важна оценка подруги, и она подавила в себе первую естественную реакцию – воскликнуть: «Какой ужас!» Вместо этого она спросила:

– Ты довольна?

– Да, – с облегчением ответила Инна. Увидев, что нотаций не последует, она заговорила горячо и быстро: – Я знала, что ты правильно меня поймешь. Помнишь, как мы вдвоем вели группу аэробики? Конечно, не одно и то же, но большой разницы нет. Тогда я танцевала для удовольствия, теперь для денег...

– Но к тебе пристают?

– Надо уметь обращаться с такими типами. Это не так уж трудно, только начинаешь в конце концов ненавидеть всех мужчин подряд... Может быть, они того и заслуживают, не знаю.

Инна захохотала. Лена несмело поддержала ее смех, и озабоченно поинтересовалась:

– И тебя никогда не пытались изнасиловать? Ты ведь их возбуждаешь, наверное...

– Подружка, у меня столько секретов... – протянула Инна. – Если захочешь, я поделюсь с тобой всеми. Но для начала скажи – ты ведь не считаешь такое занятие позорным?

– Нет, но оно не из легких...

– Согласна. А результат?

– Результат впечатляет... – кивнула Лена. – Тысяча семьсот долларов в месяц...

Инна улыбалась, постукивая по сигарете пальцем. Потом сунула ее в рот, закурила и сказала себе под нос, выдыхая дым:

– Ты первая, кто так меня выслушал. Спокойно, без криков: «Что ты наделала?!» А ведь мне приходится скрывать свое занятие от многих... Мать знает, конечно. О, что было! Отец ходит как живой мертвец, мне его так жалко. Мать на мне, конечно, поставила крест – сперва дитя непонятно от кого, теперь – вот такая работка. Она записала меня в проститутки, ни больше ни меньше. И никакого смысла объяснять разницу. Я ведь продаю не душу и не тело, а только как бы свою фотографию на память, понимаешь? Я танцую голая перед всеми этими типами, потом беру деньги, исчезаю.

– Все равно что выступать в цирке с животными...

– Не оскорбляй животных! – усмехнулась Инна. – Теперь понимаешь, что я не бедствую?

– Да, но зачем я нужна?

– А ребенок? – ошарашила ее Инна.

– Что – ребенок?

– С кем он сидит по ночам, как думаешь? Я ведь работаю с восьми вечера до пяти утра. Каждый день. Ну почти каждый. Приходится нанимать няню. Это одна баба из нашего подъезда, она, конечно, знает, чем я занимаюсь, пришлось сказать, ведь я по вечерам уходила накрашенная и разодетая. Она все равно не поверила бы, что я работаю ночной санитаркой или чем-то в этом роде. Так эта баба безбожно сдирает с меня деньги. Двести долларов в месяц я отстегиваю ей за просто так! Она сидит тут, смотрит телевизор, пьет мой кофе, ест мои продукты, получает деньги, а я совсем не уверена, что она смотрит за ребенком.

– Да уж, – кивала Лена. – Наши дети никому, кроме нас, не нужны!

– Это точно. Как я попрошу мать смотреть за Оксаной? Да она видеть мою малышку не в силах... И черт с ней, обойдемся... – В глазах Инны показались злые слезы. – Прости, накопилось столько... Я так устала от этой войны... Почему она не дает мне жить так, как я хочу? Разве я делаю что-то плохое? Кормлю себя и ребенка и ничего у них не прошу.

– Твоей матери нелегко перестроиться и понять... – начала было Лена, но та отмахнулась:

– Хотела бы – поняла бы! И давай больше не говорить о моей матери! Хватит того, что она мне звонит каждый день и устраивает сцены...

– Даже так?

– Конечно. Она вообще не смирилась с моей работой, думает пристыдить меня и заставить жить по-своему... А я... Не могу слышать ее ханжеские нотации, сразу срываюсь и начинаю кричать. Насчет того, чтобы свидеться... – Она махнула рукой. – Живем в одном городе, а все равно как на разных материках. Я не об этом хотела с тобой поговорить. Александра, та баба, которая следит за малышкой, мне надоела! В печенки влезла! Вот если бы ты согласилась следить за девочкой, а? Чего лучше? Живи у меня, и Сашке твоему тут будет веселее... Я уже себе голову сломала, думала-думала, куда девать ребенка по ночам.

– Она очень миленькая, – вздохнула Лена.

– Очень... – горько ответила та. – Надеюсь, что у нее не будет такой судьбы, как у меня. Сама я раскаялась во всем и ни перед кем больше каяться не хочу. Буду работать, пока смогу. Ну как? Ты согласна?

Лена виновато покачала головой.

– Но почему?

– Понимаешь... – проговорила Лена, отводя взгляд в сторону. – Я достаточно полагалась на других людей. Сперва на Арифа, потом жила за счет мамы...

– Ты меня с ними не равняй! – обиделась Инна. – Я же не буду тебя травить, надеюсь, ты обо мне так плохо не думаешь? Боишься жить за мой счет? Но ты мне так нужна! Зачем я буду платить этой суке Александре, лучше отдам деньги тебе!

– Не так все просто. А еда? А одежда для Сашки? А многое-многое еще? Ты думаешь, что я буду есть твой хлеб и еще брать у тебя деньги? Если я согласилась бы, то бесплатно. И

все равно ты потратила бы на мое с Сашкой содержание больше, чем на няньку. Это вовсе невыгодно.

– Скажи прямо, что тебе скучно будет сидеть с детьми.

– Нисколько! – Лена покачала головой и призналась: – Это моя мечта – сидеть дома, растить детей, все мыть, убирать, готовить обед... Но одно дело, когда делаешь это для мужчины, для мужа, и совсем другое...

– Боишься попасть в прислуги ко мне?

– Нет-нет...

– А если нет, почему отказываешься?

Инна, казалось, всерьез обиделась, передернула плечами и сощурилась, глядя в лицо подруге:

– Работа, как всякая другая, и уж получше, чем моя. Странная ты, Ленка! Как будто тебя дома ждет что-то более приятное.

– Нет, о господи... – вздохнула Лена. – Можно, я пока забуду о доме? Видишь, дело в том, что такая жизнь, которую ты мне предлагаешь, конечно, даст мне возможность передохнуть, подлечить нервы. Но никакого будущего я не вижу! А совсем уж отказываться от будущего как-то грустно... Я все-таки надеюсь в чем-то реализовать себя. Молодая, не дура, не уродка... От работы не бегаю. Почему бы мне не поискать для себя какое-то местечко в жизни? Я бы делала для тебя все даром, Инка, честное слово! И меня вовсе не оскорбило твое предложение. Но я же паутиной зарасту в твоём углу и окончательно разучусь жить самостоятельно. А это страшно. Пока я буду тебе нужна – все будет нормально. А когда ты найдешь другую няню? Другую работу? Выйдешь замуж, в конце концов?

Инна захохотала, но тут же оборвала смех, прислушиваясь к тому, что происходило в комнате.

– Кажется, дети проснулись? – прошептала она.

– Тебе послышалось, тихо. Когда Сашка проснется, он первым делом закричит. Это у нас такой обычай. Ему сразу становится одиноко.

– А моя плачет, если увидит, что в комнате никого нет, – вздохнула Инна. – Нет, спят. Не хотела бы я, чтобы моя дочь когда-нибудь узнала, чем я зарабатывала на жизнь в молодости...

– Может, она поймет тебя лучше, чем твоя мать, – возразила Лена. – Ну, ты не обижаешься больше на меня? Конечно, пока я буду здесь жить, все для тебя сделаю. Хоть неделю с твоей девочкой поянчусь. И квартиру вылижу, и если что постирать надо, сразу говори... А для начала надо позвонить Мухамеду. Он просил, чтобы я дала ему знать, где остановилась. Предлагал у него, но я отказалась.

– Еще ты у Мухамеда какого-то не останавливалась! – одобрила Инна. – Ну, звони, вот телефон, можешь и матери в Питер позвонить. Не стесняйся! А я пойду приму ванну. Честно говоря, с ног валюсь, ведь не спала ночью, работала...

– По тебе не видно! – восхитилась Лена.

– Пока возраст позволяет... – И та вышла из кухни, прикрыв за собою дверь.

Глава 3

Вместо Мухамеда Лене ответил какой-то другой араб, не знавший по-русски ни слова. Она промучилась с ним пять минут, на разные лады произнося, что ей нужен Мухамед, да, Мухамед, Мухамед! Он что-то отвечал ей, сыпал словами, а она все больше злилась и готова была выдать ему единственную арабскую фразу, которую выучила когда-то: «Тфи алла!», что в переводе означало: «Будь ты проклят!»

Мухамед наконец подошел к телефону. Лена к тому времени взмокла от злости и сразу набросилась на него:

– Это ты?! Какого черта не подходил?! Кто это со мной говорил?

С Мухамедом они были довольно хорошо знакомы, он часто навещал их с Арифом на той первой квартире в Текстильщиках, но Лена никогда не разговаривала с ним в подобном тоне. Он, казалось, сильно удивился, а потом обрадовался:

– Леночка приехала! Я так рад тебя слышать! Как твое здоровье? Как Самир?

Самир – это было арабское имя Сашки. Так называл его Ариф, все его друзья и родственники, но для самой Лены он всегда был только Сашей.

– Сашка нормально, – холодно ответила она, уже немного успокоившись. – Здоров, очень вырос. Ты его не узнаешь, когда увидишь.

«В конце концов, чем передо мной виноват Мухамед? – спросила она себя. – Симпатичный парень, вежливый, образованный и всегда прекрасно ко мне относился». А тот оправдывался:

– С тобой говорил Исса, брат Абдуллы. Помнишь Абдуллу?

– Конечно, в общаге были соседями, – нервно ответила Лена.

– Абдулла еще в Москве. Работает в «Аль-Кодс», – неторопливо просвещал ее Мухамед.

– Что такое «Аль-Кодс»?

– Арабская газета на русском языке. Хочешь поговорить с Абдуллой?

– Как, и Абдулла у тебя?

– Да, он передает тебе привет! А Исса только что приехал из Сирии, он еще совсем не говорит по-русски, так что прости...

– Какая разница... – нетерпеливо ответила она. – Передай привет Абдулле, но говорить я хочу с тобой, а не с ним. Я здесь с ребенком. Ты звонил в посольство? Когда я смогу получить деньги и билеты?

– Сейчас-сейчас... – забормотал Мухамед. – Вот! Есть ручка и бумага? Запиши телефон посольства... И адрес.

– Так ты туда не звонил?

– Они мне все равно ничего не скажут, – оправдывался Мухамед. – Ведь деньги придут на твою фамилию. Значит, ты сама должна туда приехать и спросить их. Возьми документы какие-нибудь.

– А если ничего еще не пришло?

– Нет, должно было прийти.

– Когда Ариф прислал тебе факс?

– Недавно. Три недели назад.

– И ты думаешь, деньги уже здесь?

– Лена, я не знаю.

О, она отлично изучила этот тон – мягкий и убедительный. За подобным тоном у Арифа всегда скрывалось желание отвязаться от собеседника, скинуть с себя ответственность, отказаться помогать... Так он говорил, когда Лена начинала ему надоедать вопросами и просьбами

сказать правду. Этот тон до того напомнил ей Арифа, что тот как живой встал у нее перед глазами. Она прикусила губу и сделала еще одну попытку:

– А ты не мог бы пойти туда со мной?

– Лена, там сидит секретарь, ты сразу его найдешь. Он хорошо говорит по-русски, у тебя не будет проблем. Только захвати документы.

– Замечательно... – вздохнула она. – Давай адрес и телефон.

Когда все было записано, Мухамед снова пустился в традиционные расспросы о здоровье матери Лены, бабушки Лены, о знакомых... Она знала, что никто не любит так подолгу болтать по телефону, как арабы, и отвечала коротко, встречных вопросов не задавала, хотя это уже было довольно невежливо. Но об одной вещи она все-таки спросила, когда Мухамед немного утомился:

– Скажи, этот Исса... Он ведь только что вернулся из Дамаска? Он там видел Арифа?

– Сейчас спрошу.

Он положил трубку рядом с телефоном, и она услышала, как заговорили по-арабски – громко и возбужденно. Через пару минут Мухамед снова обратился к ней:

– Лена? Он его не видел. Они не знакомы. Абдулла говорит, что ты должна обязательно приехать к нам в гости.

– Да? – разочарованно спросила она. – Спасибо, зайду как-нибудь... Но я ведь приехала ненадолго.

«Вот и проговорилась, – одернула она себя. – Если бы ты собиралась ехать в Сирию, то не сказала бы так. Он поймет, что решила взять денежки и слинять! Дура!» Но Мухамед, казалось, ничего не понял. Он только настойчиво повторил:

– Ты обязательно должна приехать! Мы ведь с тобой родственники!

– А что, – поинтересовалась она, – Абдулла с братом сейчас живут у тебя?

– Что ты! – обиделся Мухамед. – Абдулле редакция снимает двухкомнатную квартиру на «Университете». Исса тоже там живет.

Она услышала в трубке знакомый голос Абдуллы – тот что-то говорил по-арабски. Мухамед коротко ответил ему и обратился к Лене:

– Скажи, где ты остановилась?

– Сейчас... – Она продиктовала ему адрес Инны. – И телефон запиши на всякий случай. Ой, Мухамед, если бы ты знал, как я намучилась с ребенком за этот год... Неужели нельзя что-то узнать об Арифе? Никто его там не встречал? Ведь он давно уже вернулся в Дамаск... Ты не мог бы узнать у знакомых?

– Конечно, постараюсь! – заверил ее Мухамед. – Но что ты переживаешь, Лена, ведь все хорошо, он прислал деньги. Приедешь, и он сам все тебе расскажет.

– Да, теперь все хорошо... – вздохнула она. – Ладно, спасибо тебе. Буду звонить в посольство.

– Я тебе советую лучше съездить туда, по телефону много не узнаешь.

– Почему?

– Ведь дело касается денег.

– А, ясно... Сегодня же и поеду.

– Да не торопись, отдохни... Приезжай к нам с Самиром... Я ему приготовил подарок.

– Спасибо... Ему давно никто ничего не дарил, – призналась Лена. – Как-то не до этого было.

– Бедный ребенок... – протянул Мухамед. – На кого он стал похож, Лена? Такой красивый, как ты?

– Как Ариф, – усмехнулась она. – Ничего себе, красивый. Любит блондинок.

Мухамед захохотал:

– Такой маленький любит блондинок?! Сколько ему теперь?

– Три года.

В кухню вошла Инна. На голову она накрутила розовое полотенце, халат на груди придерживала рукой – не успела завязать. Она вопросительно подняла подбородок, словно интересуясь, кому звонит Лена. Та губами изобразила имя «Мухамед», и Инна поняла. Присела за стол и стала лениво перетирать полотенцем волосы, сонно глядя на Лену.

– Ну ладно, – сказала та, прерывая какой-то бесконечный рассказ. – Мы ведь увидимся, тогда обо всем поговорим.

– Так у кого ты живешь? – спросил он.

«До чего все арабы любопытны... – подумала она. – Прямо национальная особенность!»

А вслух сказала:

– У подруги, мы вместе учились.

– Я ее знаю?

– Не знаешь.

Инна внимательно посмотрела на нее и сказала очень громко:

– Скажи этому типу, что я его ненавижу заранее.

Та испуганно замахала рукой и сказала в трубку:

– Мухамед, я звоню в посольство.

– Вечером сообщи, как поговорила, – попросил он. – Ты будешь дома?

– Да-да, пока.

Она бросила трубку и злобно сказала:

– Я отвыкла от этих арабских штучек!

– А что такое?

– Любят поболтать обо всем на свете, только не о том, что важно для тебя... Помощи не дождешься, а вот на добрые советы они все щедры!

– Я бы с удовольствием поговорила с этим типом сама, – небрежно заметила Инна. Она скинула мокрое полотенце прямо на пол и отбросила его подальше босой ногой. Видно было, что она очень устала и с трудом держит глаза открытыми. Зевнула, поморгала загнутыми ресницами (блондинка она была настоящая, но ресницы и брови у нее тем не менее были черными) и посоветовала: – Давай-ка ляжем спать... После что-нибудь придумаем...

– Нет, ты иди, а я не могу, – засуетилась Лена, копаясь в потрепанной записной книжке. – Теперь звоню в посольство, потом поеду туда... Господи, только бы деньги пришли!

– Куда торопиться... – возразила Инна с чисто восточным спокойствием (оно нередко в ней просыпалось, несмотря на взрывной темперамент). – Страшно на тебя смотреть! Под глазами круги, вид загнанный, будто три дня не спала... Сперва приди в себя, потом поезжай...

– Они ведь установили определенный срок, – пояснила Лена. – Мои кредиторы. Я звонила им, когда Мухамед сказал про деньги, сообщила, что приеду, заберу их и отдам долг. Они сказали – если до пятого числа денег не будет – пеняй на себя!

– Погоди... – Инна проснулась. – А сегодня у нас что?

– Третье июля. Ты совсем счастливая стала, часов не наблюдаешь... А для меня каждый день – пытка!

– С этими танцами все перепуталось! – рассердилась Инна. – Когда работаешь ночью, а спишь днем... Так сегодня уже третье? Здорово. Значит, вечером я должна встретиться с моим милым. Хоть выспаться, что ли...

– У тебя кто-то есть? – поинтересовалась Лена. – Несмотря на такую работу?

– Да, мужики боятся иметь что-то серьезное с такими девушками, как я... – усмехнулась та. – А этот... Он сам танцор, так что ему легче меня понять. Но ты не думай, что я влюблена. Я уже не способна на это. Просто развлекаемся вместе. Должна же быть отдушина!

– В твои двадцать лет глупо говорить, что ты не способна на что-то, – нравоучительно ответила Лена.

– А в твои двадцать три? Все, я пошла спать! – Инна встала, перекинув за спину мокрую гриву потемневших от мытья волос. – Ключи от квартиры – вон, на холодильнике, специально для тебя приготовила. Твой парень пускай спит. Делай что хочешь, а если вернешься часиков так в пять, разбуди меня, ладно?

– Я тихонько разберу вещи и поеду в посольство.

– Деньги нужны?

– С ума сошла... Пока у меня все есть. Я не побирושка.

– Да не обижайся... – зевнула Инна. – И спросить нельзя!

И ушла, кутаясь в свой белый халатик. Лена принялась набирать номер посольства. Ей ответил мужской голос – почти без акцента.

– Я хотела бы узнать, пришли на мое имя деньги и билеты из Дамаска или нет? – спросила она.

– На какое имя?

– Селянина Елена Владимировна.

Разыгралась комедия с повторением на разные лады ее имени – он никак не мог его усвоить. Потом сказал, что понял, и исчез минут на пять, не меньше. Лена от волнения кусала губы и так прижимала к уху трубку, что оно даже заболело. Наконец он ответил:

– Извините, пожалуйста, но сегодня нет того человека, который занимается корреспонденцией. Позвоните завтра.

«Что и предсказывал Мухамед, – подумала она. – Ему неохота говорить про деньги».

– А если я сегодня приеду, его застану?

– Может быть, неизвестно. Лучше завтра.

– Но это очень срочно! Спросите, он будет или нет? Я приехала из Петербурга всего на несколько дней, мне срочно надо получить эти деньги!

– Хорошо, – покладисто согласился он. – Приезжайте сегодня, может быть, что-то узнаем. А вообще мы корреспонденцию получаем по четвергам, а все становится известно в пятницу. В пятницу он точно будет.

– Но я не могу ждать до пятницы!

– Хорошо-хорошо, приезжайте сегодня!

На этом разговор был окончен. Лена повесила трубку и поняла, что придется ехать и разбираться прямо в посольстве. Такой исход дела ее совсем не удивил, она успела привыкнуть к подобным порядкам, пока жила с Арифом. Лена прошла в комнату, увидела, что подруга спит, свернувшись комочком на широкой постели. Ее волосы высохли и блестели, дыхание было мирным, ровным, почти детским. Да и сама она во сне казалась ребенком. Дети тоже спали спокойно, Лена получше укрыла Сашку, который всегда умудрялся запутаться в пододеяльнике, и вышла из комнаты. Сумку она разобрала в коридоре, да и разбирать было нечего. Одежда Сашки – поношенные вещи, которые мать собрала по дальним родственникам и знакомым, чьи дети выросли из них. Два полотенца. Черный шерстяной свитер – в нем она тогда в сентябре попрощалась с Арифом на вокзале... Казалось, что ненадолго, но вот прошел год, как она не слышала даже его голоса. Дешевые шорты на случай жаркого дня. Майка.

Чистые носки. Белье – тщательно подштопанное. Больше – ничего. «В конце концов, я приехала всего на недельку, – сказала про себя Лена, разбирая свой убогий гардероб. – И вовсе не обязана каждый день менять туалеты... Но все равно, во всем видна бедность. Позорная бедность, унижительная... А, плевать! Что я могу сделать? Сколько же он мне прислал? – Ее мысли снова переключились на деньги. – Неужели мне и Сашке совсем ничего не останется, когда мы заплатим долг? Неужели он не мог догадаться, что меня преследуют кредиторы? Может быть, он как раз и прислал денег, чтобы расплатиться с ними? Нет, от Арифа этого нельзя ожидать...»

Она умылась, уложила волосы в тугий узел на затылке, отряхнула джинсы, надела легкую льняную кофточку и, выйдя из квартиры, осторожно закрыла за собой дверь.

Марина подняла палец, призывая всех к тишине, хотя ребята и так молчали. Прислушалась и заявила:

– По-моему, с Владом они покончили.

Ей никто не ответил. В коридоре раздались шаги, она приоткрыла дверь, высунулась и действительно увидела Влада. Поманила его рукой, он подошел, озираясь по сторонам:

– Чего тебе?

– О чем с тобой говорили? – спросила она.

– Ни о чем, отстань.

– Зайди!

– Пошла ты! – злобно ответил он, стряхивая ее руку со своего плеча. – Вляпался из-за тебя. Теперь нас с Максимом прогонят.

– Следователь там?

– А как же!

– А ректор?

– Сидит. Это ты на меня накапала! – вдруг сорвался он, зашипел ей прямо в лицо, обдавая запахом перегара: – Ты сказала, что Наташка мне нравилась?

– Болван, со мной еще не говорили!

– Тогда откуда они...

– А все знали, – Марина издевательски пожала плечами. – Думаешь, никто не видел, как ты на нее пялишься?! Максима уже допросили, верно?

Она почти втащила Влада в комнату. Он оглядел собравшихся – Пашу, Светку, двух других парней, опустился на постель и стал разминать в пальцах сигарету. Все сидели в комнате Марины, куда их загнал следователь, и ждали своей очереди на допрос. Максим, которого допросили первым, уже исчез. Его Марина проворонила, зато теперь так и вцепилась во Влада:

– А что еще тебя спрашивали?

– С кем она разговаривала, о чем... Ссорились или нет... Много выпила или мало... Сказал, как было. Пила вино, молчала, и все. Потом пошла к Максиму вниз, потом ушла к себе.

– Да? – сощурилась Марина. – А про то, как ты ее у дверей зажимал – ничего не сказал?

– Сука поганая! – вскочил Влад. Его круглые глаза налились кровью. – Ты что – думаешь, это я ее выбросил?!

– Влад... – протянул один из парней, – прекрати! Никто так не думает.

– Да вы все видели, как я к ней относился! – продолжал кричать тот. – Я ее пальцем тронул, а? Я ее хотел, ну и что? Я это скрывал, что ли?! Я предложил, она отказалась, и все! И ни черта больше не было! Да вы же все видели, как я тут валялся...

– Хватит! – завизжала вдруг Светка. Она была бледная, измученная, под глазами легли круги. Весь день отмалчивалась, куталась в рваный халат и только поплакала пару раз в своем углу. Теперь она вскочила и затопала ногами в настоящей истерике: – Подлецы! Подлецы! Это кто-то из вас! Она была несчастная, беззащитная, и кто-то из вас ее изнасиловал и убил!.. Вы напились как свиньи... И еще рассуждаете, как вам выпутаться?! А я все скажу, все!

– Что ты скажешь? – цыкнул на нее Пашка. – Что ты скажешь, сама подумай?!

– Все скажу! И что ты анашу принес, и что курили тут, и что Влад к ней пристал...

– Ты же не видела!

– А вы все рассказали! Думаете, я вас покрывать буду?! Негодяи!

– Замолчи, дура... – устало бросила Марина. Она села за письменный стол и уперлась согнутой ногой в столешницу, покачиваясь на стуле. – Никто из нас этого не делал.

Светка заплакала, закрыв лицо худыми руками, уселась в угол дивана и затихла. Парни переглянулись, а Влад, наблюдавший всю эту сцену с отвисшей губой и вытаращенными глазами, вдруг сказал:

– Меня спросили, не было ли посторонних в общежитии. Я сказал, что нет.

– Ну и что? – Марина смотрела в окно и сильно затягивалась дешевой сигаретой. – Подумаешь, новость. То-то и скверно.

– Я совсем забыл, что мы с Максимом выходили, – продолжал Влад, растирая ладонями опухшее лицо. – Черт, ничего не соображаю...

– Кто ее нашел?

– Дворник.

Ребята помолчали, только Светка заплакала громче. На нее никто не обратил внимания. После паузы Марина спросила:

– Куда это вы выходили? Когда?

– Да ночью уже. Максим прислал за мной Наташку, помнишь? Чтобы я к нему спустился. Я и спустился. Мы поругались немножко насчет дежурства, он хотел выпить с вами... Потом покурили, потрепались. А потом мы оба вышли на улицу.

– А зачем?

– Понимаешь, нам показалось, что кричат. Баба кричит – помогите!

– Ничего себе... – буркнула Марина. – Веселый был вечерок... И что там было?

– А ничего. Мы вышли, посмотрели по сторонам, да темень такая, что глаз выколи. Максим говорит: «Пойдем посмотрим, кто орет». А орет она, действительно, громко – уши закладывает.

– А мы не слышали, – оживился Пашка.

– Молчи уж! – Марина отмахнулась от него и бросила качаться на стуле. – Слушай, Влад, так вы бросили вахту без охраны?

– Точно.

– Сдурели? – Она покрутила пальцем у виска. – Доигрались, дурни! Я же говорила, это не мы! Кто стал бы Наташку обижать... Даже спяну! К ней все нормально относились. Долго вас не было?

– Да честно говоря... – вздохнул Влад. – Искали мы ту бабу, в соседнем дворе. Я-то был пьяный да еще накуренный, а на свежем воздухе вдруг потянуло блевать... Уж вы простите, девчонки. Ну, Максим со мной возился...

– Тьфу... – поморщилась Марина. – А дальше что было?

– Вернулись мы где-то через двадцать минут, все в порядке, на вахте пусто. Я заступил на дежурство, Максим пошел спать. А в семь утра ломаются в дверь – дворник и еще кто-то... Наташка, оказывается, лежит там во дворе под окнами, голова расколота и прочее.

Влад смачно сплюнул на пол. Светка вскрикнула, и Марина угрожающе обратилась к ней:

– Или ты сейчас заткнешься, или я тебя пришибу! Надоела! Нам тут бог знает что могут приклепать! Слушай, Влад, ты ничего не рассказал про то, как вы бросили вахту?

– Нет, – уныло ответил он. – Ректор там сидит, собака, сожрать меня готов... И так узнал, что вы тут жили, а теперь еще это убийство. Я бы еще ему сказал, что мы вахту бросили – и хана... Тут ведь и банк, и фирма обувная... А охрана на мне.

– Болван, надо было сказать! Все равно вас выгонят, сказал бы правду! Надо спасти свою шкуру, не понимаешь, что ли? Бросил вахту! – Марина раздавила окурки о столешницу и выбросила его в открытое окно. Потом обратилась ко всем присутствующим: – Что делать будем? Нас начнут трепать, а за что? Пусть Влад еще раз пойдет туда и все выложит! Кстати, а почему никого не вызвали?

– Откуда я знаю... – пробормотал Влад.

– А с чего они взяли, что Наташу убили? – Света подняла мокрое лицо, еще больше подурневшее от рыданий. – Может быть, она сама... Не выдержала позора, не могла больше так жить... И выбросилась.

– Ее перед этим здорово придушили, – пояснил Влад. – Так что это убийство.

– Господи...

– Вот тебе и – господи! – огрызнулась Марина. – Так, что-то они там задумались...

В этот момент дверь в комнату отворилась и заглянул сержант. Все, как по команде, смолкли, и Светка побледнела так, словно вот-вот упадет без чувств.

– Лебедятникова! – сказал он, оглядывая их.

– Готова, – Марина вскочила и решительно пошла к двери. Сержант увидел Влада, который старался остаться незамеченным, отвернувшись к окну.

– А вы что тут делаете? – грубо спросил сержант.

– Я зашел... Сигареты взять... – Влад поднялся и похлопал себя по боковому карману куртки.

– Давайте выходите.

– Все-все!

Все трое ушли, а Светка снова заплакала – тихо, горестно.

Марина, оказавшись в комнате, где велось следствие (повезло какому-то уехавшему студенту), сразу заявила:

– Влад только что сказал нам, что забыл одну деталь.

– Лебедятникова, – с ненавистью произнес ректор – седой мужчина с беспокойными злыми глазами. – Я тебя давно уже видеть не могу. Ты отчислена с сегодняшнего дня. Я подпишу приказ. Поняла?

– А вы всех отчислите, кто тут на лето остался, или только меня? – Марина вызывающе улыбнулась, хотя на душе у нее было невесело. – Я же знаю, вы меня особенно любите, всегда выделяли...

– Ты, Лебедятникова, зря улыбаешься, – у ректора возле рта задрожал нервный тик. – Я про все твои делишки знаю.

– Про какие это? – Марина смотрела на капитана, который перечитывал какую-то бумагу и не вмешивался в разговор. – Про что вы им успели рассказать? Что выпивала? Да вы сами выпиваете, только втихомолку, это всем известно.

– Так, все, – сказал капитан – и очень вовремя – ректор позеленел от ярости. – Давайте побеседуем.

– С вами? – Марина потуже затянула пояс халата и улыбнулась. – Хорошо. Только пускай этот выйдет.

И кивнула на ректора. Она понимала, что терять ей больше нечего, в институте ее не оставят ни за что, и впервые могла отвести душу – высказать этому типу все прямо в лицо. И добилась своего – ректора попросили выйти.

– Я вам расскажу, что захотите, – сказала она, садясь на расшатанный стул напротив капитана. – Только сперва хочу кое-что объяснить. Влад и Максим – наши вахтеры, вчера вечером ненадолго оставили вахту. Всего минут на двадцать. И это было как раз тогда, когда Наташи уже не было в комнате. В общагу мог войти полк солдат, никто бы не заметил.

– Кто это вам сказал?

– Влад. Только что сказал, после допроса. Да, еще хочу сообщить, что никто из нас Наташу не убивал.

– У нее не было врагов, недоброжелателей? – Капитан как будто не обратил внимания на ее сообщение.

– Никого, все ее любили. Единственный человек, который мог бы ее ненавидеть – это жена Арифа, Лена. Но во-первых, она не знала, что Наташа залетела от ее мужа, во-вторых, они с Арифом давно развелись, в-третьих, Лена никого ненавидеть просто не способна.

– Почему она осталась в общежитии на лето?

– Была беременна. Не хотела делать аборт, боялась, знаете... Совсем неопытная девушка. Решилась на искусственные роды, чтобы меньше риска. Поэтому пришлось дожидаться необходимого срока здесь, в Москве. В Рязань она поехать не могла, там мать и отчим. Ну обычная история. А ее точно убили?

– Да.

– Кошмар... – Марина тоскливо посмотрела на струйку дыма, которая медленно текла из ее приоткрытых губ.

– Опишите мне вчерашний вечер, подробно.

– Могу... – Она пожала плечами и медленно заговорила, припоминая: – Она была очень подавлена. Я поддерживала ее как могла. Мы поболтали, потом я пригласила ее на вечеринку к Паше. Он нашел новую работу, мы решили это отметить.

– Во сколько вы сели за стол?

– Около одиннадцати вечера.

– Гарина не говорила, что кого-то ждет, чего-то боится?

– В ее поведении ничего необычного не было.

– А вообще было что-то необычное в этом вечере?

– Например? – засмеялась она. Смех получился довольно горький. – Вы же сами, наверное, были студентом, участвовали в таких попойках. Мы собрались, как и раньше бывало, выпили, поболтали, кое-что пожевали...

– Кто был на вечеринке?

Она перечислила.

– А когда пришел Тычинин?

– Это кто еще?

– Ваш вахтер, Владислав Тычинин.

– А, этот... Да скоро пришел. Он дежурит по ночам, целый день отсыпался, а к нам пришел где-то через полчаса после начала вечеринки. Конечно, вы уже знаете, что он неровно дышал к Наташе, но лучше оставьте его в покое. Не он ее убил.

– Припомните, как развивалась дальше ваша вечеринка. Кто входил, кто выходил.

– Я тогда хорошо выпила. Об этом лучше спросите Светку, она трезвенница. Кстати, про Светку скажу одно – она ушла вскоре после того, как ушла Наташа.

– Подробнее, пожалуйста.

– Сейчас... О чем-то таком шла речь... А, вы же знаете эту историю с арабским младенцем?

– С кем?!

– Наташа залетела от одного араба, нашего бывшего студента. Он пропал. Думаю, он не знал, что сделал ей пузо, но тем не менее мог бы хоть попрощаться с девушкой. Ни звука от него не было уже полгода. Я еще говорила Наташе, что при встрече надо ему намылить голову. И вот пришел Влад и сказал кроме всего прочего, что Максим сегодня видел на вахте какого-то араба, похожего на Арифа. Наташа заволновалась. Пошла туда, чтобы расспросить, наверное... Вскоре ушла Светка. Вернулась Наташа, расстроенная...

– Во сколько это было?

– Эти вопросы уже не имеют смысла, – пояснила та. – Я была пьяна, уж простите. Может, кто другой вспомнит, но не уверена... Я, правда, плохо переношу алкоголь. Поспрашивайте наших ребят. А Светку не слушайте.

– Итак, вернулась Наташа. Сколько она еще пробыла в комнате?

– Минуты три. Сразу ушла. Только сказала Владу, что Максим выходит из себя на вахте и требует, чтобы сменили.

– Больше ничего?

– Ничего, – твердо сказала Марина. – А если вы про то, что Влад к ней приставал...

И осеклась. Только тут она поняла, что никто не мог рассказать капитану про эти пьяные приставания вахтера – Максима при этом не было, а сам Влад скорее язык бы себе откусил, чем сказал такое.

– Ну-ну, расскажите, – подбодрил ее капитан. – Он к ней пристал? Как она реагировала?

– Плохо... – убито ответила она.

– Они повздорили, верно?

– Нет, не так. Он быстро отвязался, а она ушла.

– Он был очень пьян?

Этот вопрос почему-то сильно испугал ее. Она встрепенулась и твердо сказала:

– Это не он ее убил!

– Я спросил, был ли он сильно пьян?

– Да.

– А кроме того?

– Что – кроме того? – напряженно всматривалась она в его лицо. – Не поняла вас.

– Вы курили анашу?

– Что?! – Тут ей все стало ясно. Максим разболтал. Разболтал, потому что был уверен, что он-то останется в стороне – в вечеринке не участвовал, не пил, не курил, к Наташе никогда не клеился... Больше никто сказать не мог. И улизнул-то он как-то тихо, незаметно... Бедный Влад! Дурак, он поделился с другом впечатлениями от вечеринки...

– Я спросил, курили анашу?

– Не помню, – с вызовом ответила она. – Была совсем пьяна, спала.

– Вот как? Даже не можете сказать, кто именно курил?

– А вы никогда не курили? – взорвалась вдруг она. – Да господи, каждый хоть раз в жизни пробует!

Он пропустил это мимо ушей и спросил:

– Кто принес «травку» в общежитие?

– Понятия не имею.

– Хорошо. Тогда я скажу вам, что ее принес ваш приятель Павел Будько.

– Первый раз слышу про такое.

– Так вы все-таки вспомните, кто курил?

Она поняла, что нет смысла что-то скрывать. Влад, простая душа, явно рассказал Максиму все.

– Курили все парни, включая Влада.

– А вы?

– Нет.

– Тогда вы были трезвее остальных. Гарина сказала вахтеру, чтобы он спустился вниз, а он начал к ней приставать?

– Примерно так.

– Чем это кончилось?

– Ничем.

Она поерзала на стуле, тесно сдвинула колени, пошаркала по полу тапочками. Подняла голову и тоскливо взглянула на капитана:

– Мне можно идти?

– Сперва ответьте, кто из парней ушел из комнаты после этой сцены и в какой последовательности?

Щеки у нее внезапно стали горячими, но не от стыда, как она решила, а от волнения. «Сейчас придется сказать. Свинья ректор, гадина. Наверняка все знает. От кого? Мало ли у него шпионов? Тот же Максим казался таким приличным парнем...» И она вызывающе ответила, даже найдя силы криво улыбнуться:

– Никто никуда не ушел.

– Все трое остались с вами?

– Да.

– Чем вы занимались?

– Любовью... Так что у всех у нас алиби. – Помолчала, ожидая реакции, и резко заключила: – У каждого свои вкусы.

– Все, Лебедятникова, – спокойно прервал ее капитан. – Идите.

– Что подписать? – спросила она, поднимаясь. Говорила нервно, неуверенно, но пыталась изобразить беззаботную наглость.

– Потом еще раз снимем показания и подпишете.

Она вышла. Пробежала по коридору, ничего не видя и не слыша, рванула желтую дверь туалета, уселась там на подоконник в умывальном отделении и просидела так минут двадцать, энергично пиная батарею. Потом пообдирала облупившуюся эмаль с оконной рамы. Выкурила две сигареты. Всплакнула, подумав об отчислении. Плюнула на пол – просто так. Потом открыла окно и посмотрела вниз, во двор. Недавно прошел дождь, и она подумала, что место, где Наташа грянулась об асфальт в своем голубом костюме, должно быть где-то там, под стеной, где сейчас стояла длинная бурая лужа.

Глава 4

Инна ворочалась и сладко зевала. Потом опять едва не уснула, но ей стало зябко под тонким покрывалом. Открыла глаза, и первым делом вытянула шею и посмотрела на детскую постель. Та была пуста. Инна села, вяло отбросила за спину волосы, нашла на стуле халат, запахнулась и вышла на кухню. Там сидела Лена и кормила детей молочной кашей.

– Ничего себе... – пробормотала Инна, присаживаясь за стол. – Три часа... Если бы не ты, Оксанка уже орала бы... Капризничает?

– Нет... Смотри, как она на Сашку глядит!

– Кокетка. В таком возрасте... – Инна занялась кофе. Открыла холодильник, погремела кастрюлями и убито сказала: – Обойдемся ветчиной и помидорами?

– Я уже с ними каши поела.

– Не прикидывайся бедной родственницей! Я просто не успела приготовить.

– Скажи, что сделать, – попросила Лена. Только тут подруга внимательней взглянула на нее. Взгляд усталый и замученный, улыбка натянутая, плечи ссутулены.

– Что случилось? – спросила Инна. – Почему такой траур?

– Я ведь была в посольстве.

– А я ничего не слыхала... Когда ты пришла?

– Уже давно. Я на кухне сидела. Нет денег, ничего там нет.

– Да что ты? – Инна схватила с плиты турку, в которой начинало выкипать кофе. – А что тебе Мухамед говорил?

– Ничего он не знал, просто сказал, что деньги высланы. А они пока ничего не получили. Хотя... Я спросила, как долго могут идти деньги, а они ответили, что вообще-то уже должны были прийти. Но на мою фамилию ничего нет.

– Что же делать? – невнимательно спросила Инна, разливая кофе по чашкам. Подала одну подруге и присела за ее спиной на подоконник. Подула, осторожно попробовала губами край чашки и отпила. Лена к своему кофе не притронулась. Она смотрела на детей, которые скребли ложками в тарелках с кашей и уже начинали скучать. – Так, дети, давайте беритесь за руки и марш играть. Оксана, покажи Саше свои игрушки.

Белокурая девочка стал сползать со стула и едва не упала. Лена вскочила, помогла ей слезть, напутствуемая замечанием Инны:

– Не трогай, она самостоятельная.

Дети выбежали из кухни, и в комнате раздались их громкие крики, упало и покатилося что-то тяжелое... Инна невозмутимо смотрела на подругу, ожидая ответа на свой вопрос. Та вздохнула и ответила:

– Не знаю, что делать. Ждать. Обычная арабская тягомотина. Сказали, раз пока денег нет, то что-то придет в этот четверг. А получу в пятницу.

– Ну и что?

– Господи, так будет уже седьмое число! А мне надо отдать деньги до пятого...

– Я бы тебе одолжила эти полторы тысячи... – задумалась Инна.

– Я не хочу брать деньги у тебя.

– Дай подумать... Нет, не могу. Понимаешь, я ведь плачу за квартиру вперед и на днях отдала хозяйке за три месяца. А работаю еще не так давно, не успела накопить... И столько денег на себя уходит... Нет, это глупо! Ведь я могла бы... Нет, черт. Я Сереге дала пятьсот баксов, ему надо было заплатить за аренду зала, для тренировок.

– Перестань, все равно я не взяла бы у тебя, – перебила ее Лена.

– Вот гадость-то. – Та не слушала, растерянно поднимала брови, что-то соображая. – Получать столько, и не иметь свободных денег!

– Инка, хватит!

– Да мне обидно. Ты подумаешь, что я зажала! Или что врала тебе насчет своих заработков. погоди, я посмотрю, сколько у меня есть...

Инна вышла в коридор, открыла шкаф и вытащила оттуда целую грудку сумочек. Бросила их на пол, опустилась на корточки и принялась вытряхивать из них деньги. Лена улыбалась, глядя на нее, потом заметила:

– Хватит искать, я и без того вижу, что денег у тебя нет.

– А? Почему? – Инна подняла раскрасневшееся лицо. – Вот долларов двести и еще рубли...

– Положи обратно. Стоит посмотреть на твои шикарные сумочки, чтобы понять, куда ты вложила деньги. Ничего я не возьму у тебя. Во-первых, ты тоже одна мучаешься с ребенком, тебе деньги нужны. А потом, мне надоело жить в долг. Не хватало еще занимать у одного человека, чтобы расплатиться с другим.

– Да ты ведь все равно получишь деньги в пятницу, – Инна поднялась с пола и запихала сумочки обратно в шкаф, оставив только одну – крохотную, словно игрушечную, из лаковой белой кожи. – Тогда и отдала бы. Нет, ничего у меня не получится. У Сереги тоже денег нет...

– Это твой парень? – догадалась Лена.

– Да. Вот фотография, посмотри.

Инна раскрыла сумочку и достала оттуда глянцевое фото, сделанное на очень плотной бумаге. Девушки сблизили головы и стали разглядывать прилизанного блондина с обнаженным торсом, который был запечатлен в момент прыжка на фоне каких-то геометрических декораций. Все мускулы его тела были напряжены, вырисовывались отчетливо и рельефно, а вот лицо было почти отвернуто от зрителей.

– Ого... – заметила наконец Лена. – Так он настоящий балерон?

– Нет, он, конечно, не в Большом театре танцует... – Инна забрала у нее фотографию и сунула обратно в сумочку. – Так, балетная группа на кооперативных началах. Танцуют в клубах, на разных там праздниках и прочее... Иногда ездят за границу, но там русским балетом давно обожрались. Как он тебе?

– Хорошая фигура.

– Ноги короткие, – вздохнула Инна. – Отвратительный характер, растянутые связки, маленькие глаза и ни гроша в кармане.

– Боже мой... – Лена наконец засмеялась по-настоящему – впервые за день. – Почему же ты за него держишься?!

– Это он за меня держится, – пояснила Инна. – А мне лень поискать что-то получше. Понимаешь, когда девушка моей профессии начинает знакомиться с мужиком, неизбежно следует вопрос: «А чем ты занимаешься?» Врать – глупо, зачем тогда вообще завязывать отношения... Сказать правду – готово приглашение в постель за определенную сумму. Или просто начинают презирать. А этот хотя бы не ханжа. Знаешь, мужчины вообще ужасные консерваторы!

Зазвонил телефон. Инна сняла трубку и сделала знак Лене – «останься».

– Это ты? – заговорила она каким-то новым голосом, которого Лена раньше у нее не слышала. Голос был резкий, тон начальственный, холодный. – Что хочешь сказать? Ладно, ответь лучше, где те пятьсот долларов? Они мне самой теперь нужны. Не можешь? А мне какое дело. Найди, займи...

Последовала пауза. Лена прошептала:

– Не хочу, не нужны мне деньги... Ты что – из-за меня с ним ссоришься?!

– Короче, – Инна даже бровью не повела. – Я сегодня еду в клуб к десяти часам. Сейчас четыре. Чтобы ты в шесть был тут с деньгами. Не можешь? Уже заплатил?

Трубка с грохотом опустилась на место. Лена в ужасе произнесла:

– Не стоило! Успокою я своих кредиторов, подождут до пятницы...

– Самое главное, – спокойно ответила Инна, – что он нисколько не обиделся. У человека нет гордости.

– Но все равно, как ты с ним говорила... Ужасно.

– Что, арабский муж приучил к покорности? – усмехнулась та. – Серега – просто животное. Альфонс. Вечно в поисках монеты. Тратит исключительно на себя, мне никогда ничего не подарил, не повел в ресторан. Знаешь, как я развлекаюсь? Вожу его в кабаки сама, за свой счет. Мне это приятно.

– Не понимаю тебя... – Лене было отчего-то унизительно слушать эти признания. На миг ей показалось, что Инна улыбается как-то жестоко, может быть, смеется над ней...

– А ты пойми. В одном месте платят мне за то, что я раздеваюсь и выворачиваюсь перед ними наизнанку. К этому привыкнуть нельзя. В другом я сама плачу, чтобы хоть на час понять, что я тоже человек.

– Нет, это ужасно. Если твой друг таков...

– Таков! – И тут же, переменяв тон, Инна вздохнула: – Сергей, наверное, самое темное пятно в моей новой жизни... Зачем он мне нужен – не знаю, но почему-то не могу его прогнать. Приятно думать, что кто-то может быть хуже, чем ты сама, верно?

– Я не хочу с ним знакомиться.

– Не захочешь – не будешь.

На душе у Лены было очень тяжело. Она видела теперь, что ее подруга сильно изменилась, и изменилась не к лучшему, но не могла ни упрекнуть ее, ни посоветовать что-то. А Инна, сразу позабыв о своих откровениях, оживленно заговорила:

– Надо срочно тобой заняться. Ты хоть ванну приняла?

– Не успела.

– Так иди скорей... Мне сейчас надо будет погулять с девчонкой, я и твоего парня возьму.

– Я сама могла бы пойти.

– Займись собой! – махнула рукой Инна. – Мне тоже надо прогуляться.

– Получается, что я не помогаю тебе, а только прибавляю хлопот...

– Ты еще успеешь помочь. – Инна взяла с холодильника щетку и стала расчесывать волосы. Доведя их до блеска, она переоделась в черные брючки и белую кофточку – нарочито скромную, обула туфли и принялась одевать дочь. Лена быстро привела в порядок Сашку. Он совсем уже освоился на новом месте, хватал Инну за волосы, обнимал Оксану, которая успела влюбиться совершенно – не сводила с него глаз и старалась держаться поближе...

– Все, команда, – громко заявила Инна. – Айда гулять!

Лена осталась одна. Первые пять минут она простояла у окна на кухне, ожидая, когда из подъезда выйдут дети с Инной. Вот они – выбежали, взявшись за руки, девочка споткнулась, Сашка успел ее поддержать. Он никогда не падал, этот смуглый живой мальчишка, был цепким, как обезьянка, смысленным, хитрым... Инна вышла следом, остановилась под деревом, достала сигарету, закурила и стала смотреть на детей. Те возились в песке, вот девочка опустилась на попку, платьице задралось, но Инна не сделала ни одного движения, чтобы поднять дочь. Стояла, чуть расставив ноги для упора, и слегка покачивалась на них взад-вперед. К ней подошла какая-то женщина, они заговорили... Лена отправилась принимать ванну.

Что-то тревожило ее в пустой тихой квартире, одиночество казалось совершенно необыкновенным. И в самом деле – за последний год ей редко удавалось побыть одной – рядом были то мать, то бабушка, то Сашка, а то и все вместе толклись в крохотной двухкомнатной квартире... Лена успела забыть, как хорошо остаться дома одной, ни с кем не разговаривать, никого не видеть, посвятить время себе... Она набрала воды в ванну, опустилась туда, закрыла глаза и окунулась с головой. В ушах зашумело, тело расслабилось, стало невесомым и горя-

чим... На полочке она увидела большую банку с морской солью и флаконы с пеной, но не пользовалась ничем.

Когда дети вернулись с прогулки, Лена уже успела высушить волосы и переодеться в майку и шорты.

– Ма-ма! Ма-ма! – орал Сашка, весь перепачканный землей. – Тетя Инна сказала, что мы теперь будем жить в Москве!

Лена, которая в этот миг пыталась снять с него шатнишки, подняла голову и вопросительно посмотрела на подругу. Та, посмеиваясь, передевала девочку. Поймав ее взгляд, пожалала плечами:

– А что?

– Будем, но всего неделю, – строго ответила сыну Лена. – Слушайся тетю Инну, понял? Вот что это такое?! Куда ты вляпался?

– Она лучше тебя, – вдруг заявил тот, разглядывая штанишки. – Ничего не запрещает.

Инна захохотала.

– Прости... – сказала она, отсмеявшись. – Пусть ребенок побалуется хоть раз. Я поняла, что твоя мама его совсем замучила воспитанием. Спрашивал меня, можно ли ему лепить пирожки из какой-то там грязи. Я разрешила. А почему нет? Дети есть дети, пусть возятся... Избыток воспитания – тоже плохо.

– А как я потом буду с ним справляться? – спросила Лена. – Все, готов, иди.

И подтолкнула сына к Оксане. Дети уселись в угол на ковер, где были разбросаны игрушки, и занялись ими. Оксана застенчиво подавала Сашке кукол, одну за другой, а тот швырял их и кричал: «Полетела! Полетела!» Когда «полетела» красавица Барби, Оксана вдруг сердито ударила мальчика по руке и заплакала: «Это мама!» Впрочем, они тут же помирились, Барби уложили спать. Инна шепотом заметила подруге:

– Зачем вмешиваться? Они прекрасно управляют сами... Ну, подерутся, поплачут, перемажутся... Подумаешь! Да и времени у меня нет возиться с девочкой... А разве она выглядит заброшенной?

Лене пришлось согласиться. Сама она действительно возилась с Сашкой до тех пор, пока руки не опускались, каждый день стирала, гладила его одежду, читала ему нотации, следила за питанием... Эти методы воспитания ее собственная мать когда-то применяла к ней самой, и Лена органично переняла их, когда у нее появился ребенок. Девушки вместе прибрались в комнате. Мебель стояла хозяйская, не слишком дорогая и модная, но зато все аксессуары принадлежали Инне – они-то и создавали уют. Атласные занавески, пушистые покрывала на постелях, яркий ковер, на котором играли дети, какой-то невероятный музыкальный центр – белый, микроскопический, с круглыми колонками величиной с будильник. («А какая выходная мощность!» – похвасталась Инна, протирая его от пыли.) Она принялась доставать из шкафа свои наряды и раскидывать их на постели.

– Вот это возьми, – говорила она. – И этот костюмчик тоже. И этот свитер, я его всего два раза одевала, он мне не идет.

– Прекрати, – попросила Лена. – Я не могу.

– Опять обиделась? – Инна откладывала в сторону те вещи, которые собиралась подарить. – Я тебя прошу, не надо все портить своими амбициями. Помнишь, как мы в общаге вели аэробiku? Помнишь? Ты же не обиделась, когда я подарила тебе кроссовки и ветровку для пробежек...

– Это было совсем другое.

– Почему?

– Тогда я сама могла тебе делать подарки.

– Ну и что? Кто знает, что нас ждет? Может быть, я скоро окажусь на улице и приеду к тебе в Питер. А ты будешь ходить в норковой шубе и подаришь мне автомобиль на бедность?

– Шутишь... – Лена невесело улыбнулась. Она боролась со страшным искушением принять эти тряпки, тем более что Инна предлагала их так естественно и сердечно, не требовала благодарности, вообще ничего не требовала взамен. Еще вспоминался собственный позорный гардероб. Это не Лена протянула руку и подняла с постели кокетливый бежевый пиджачок – это сделали ее двадцать три года. Она примерила его прямо на майку, застегнула, почувствовала, как спину легко обхватила ткань...

– Как на тебя шили... – восторженно оглядела ее Инна. – Кто был прав? А на мне эта штука не смотрится. Вот к нему юбка.

И юбка пришлась впору. Инна вертелась вокруг подруги, обдергивала на ней обновку, разглаживала складки, потом выбежала в прихожую и вернулась с упаковкой колготок и парой коричневых туфель на каблуках.

– Это уж слишком, – Лена почувствовала, как ее лицо пылает. – Нет, я ничего не возьму.

– Я тебе не возьму! – Инна уже совсем ее не слушала. – Примерь. У тебя же размер как у меня – тридцать восьмой?

– Не возьму.

– Они новые! – в отчаянии уговаривала Инна. – Честно! Гляди – чек на подошве приклеен!

– Тем более не возьму.

Но как-то так вышло, что она надела колготки, обулась и, сразу став выше на восемь сантиметров, беспомощно посмотрела на Инну. Та тихо сияла, и Лена вдруг поняла, какую чистую радость созидания испытывает ее подруга, делая эти подарки. Но все равно оставался стыд – и отравлял всю радость.

– Мама! – крикнул Сашка. – Это ты?

Она повернулась к нему и улыбнулась, увидев его распахнутые от изумления глаза. На девочку она впечатления не произвела – та, вероятно, привыкла ко всяким переодеваниям, и туалетами ее было не удивить. Но Сашка просто онемел. Он подошел к матери, погладил ее блестящую ногу, схватился за каблук и наконец обнял:

– Ты всегда такая будешь?

– Я попробую, сынок... – ответила она, наклоняясь и глядя его по голове. Потом беспомощно посмотрела на Инну и развела руками: «Как теперь отказаться?» После этого жеста на нее скатилась лавина подарков – черные джинсы «Lee», к ним – черные лаковые сабо, яркий смешной свитерок с короткими рукавами и круглой дыркой на спине («Я купила его в „Галери Лафайет“, там все вещи такие безумные...»), сумка – к бежевому костюму, длинное летнее платье из прозрачного шифона, еще пахнущее свежими духами Инны... Все подарки сопровождались пояснениями, как выручит Лена подругу, если примет ту или иную вещь, потому что в шкафу у нее уже нет места, потому что она все равно этого не носит и никогда носить не будет, потому что обидно, что вещь пропадает зря, а вот Лене она здорово пойдет. Через час, когда подруги все перемерили, обсудили, показали друг другу свою косметику (Лене тут же досталась парочка помад и румяна), они убрали вещи в шкаф и пошли на кухню готовить ужин. Принужденность исчезла после того, как были приняты подарки. Теперь Лена не понимала, как она могла стесняться Инны? Все было, как в добрые старые времена, еще до того, как они родили детей, до того, как начались их мытарства... Они были студентками, они были тогда так юны, так веселы, легко обменивались вещами и сплетнями, и казалось, не было у них других проблем, кроме сдачи зачета или очередной любовной интриги. Тогда Инна приезжала в общагу, чтобы провести внизу в спортивном зале урок аэробики. Они посмеивались над несчастными неуклюжими девочками, которые старательно повторяли за ними упражнения – все более сложные и тяжелые, пока не просили пощады. Лена была снисходительна, но зато Инна по-хозяйски покрикивала на девчонок и не выпускала из зала, пока с них семь потов не сходило. Потом девушки вместе шли в душ, поднимались в комнату к Лене и пили кофе,

болтали, бывало, просиживали до темноты, пока Инна вдруг не спохватывалась, что ей пора ехать домой. Наверное, и тогда Лене было на что пожаловаться, и тогда что-то портило ей настроение, но теперь, когда она глядела на эту жизнь из настоящего времени, все казалось ей таким маленьким, смешным, невинным...

– Скажи, – она на миг перестала чистить картошку и прикрыла воду, чтобы она не шумела в раковине. – Скажи, Инка, а ты никогда не жалеешь, что так изменилась?

Инна обжаривала на сковороде мясо, которое они собрались потушить с овощами, масло брызгало ей на руки и на халат, она ругалась и невнимательно слушала подругу.

– Я вспомнила, какими мы с тобой раньше были...

– А пошло это все куда подальше, – в сердцах сказала Инна, накрывая сковороду крышкой. Мясо заворчал и стало постреливать. – Я тебе, конечно, могла бы рассказать, что со мной тогда случилось... Но не хочу.

– Ты об Оксане?

– Ну да. Мерзкая история. И самая в ней мерзкая – я.

– Наговариваешь ты на себя, по-моему, – осторожно ответила Лена. – В таких случаях обычно виноват мужчина.

– А в моем случае – женщина. Скажи правду, много про меня было сплетен в институте?

– Да, поговаривали... Я слыхала, что ты будто бы влюбилась в известного актера, он сделал тебе ребенка, жениться не захотел... А ты назло всем решила ребенка сохранить и ничего ему не сообщила. Так что он до сих пор ничего не знает.

– Какая трогательная история! – нервно засмеялась Инна. – В ней самое лучшее то, что это вранье от начала до конца. А еще что?

– Говорили, что мать выгоняет тебя из дома. Кем она сейчас работает? Все в своей шикарной фирме? – поинтересовалась Лена. Про мать Инны в институте ходили слухи, что она зашибает огромные деньги, торгуя одеждой напрямую с Парижем.

– Да, но мне ее деньги не нужны. Еще посмотрим, кто заработает больше. Прости, опять сбилась на большую тему... – Инна вдруг ахнула и сорвала крышку со сковороды. Запахло горелым мясом. Она плеснула туда воды из чайника, кухню заволокло паром. В комнате завизжали дети, и в это время в дверь позвонили.

– Открой... – Инна вытирала слезы одной рукой, а другой пыталась нащупать на столе ложку, чтобы помешать в сковороде. – Это мой милый...

Лена вышла, машинально отметив, что на ней то самое прозрачное платье, которое подарила Инна, и Сергей, наверное, сразу его узнает и составит себе мнение о ней. Прихлебательница, нищенка, побирушка... Почему она не переделалась, когда они начали готовить? Инна запретила – сказала, что платье ей очень идет. И самой было неохота расставаться с ним. Она распахнула дверь, отступила в глубь прихожей, пропуская в квартиру белокурого парня с букетом роз. Они поздоровались. Лена отметила, что он производит странное впечатление – при маленьком росте очень развитые мускулы ног и плеч, короткая шея, асимметричные черты лица, немножко не дотянувшие до того, чтобы стать уродливыми...

– О, какие мы галантные...

Это сказала Инна, выглянув из кухни и увидев цветы.

– Что-то необыкновенное... – продолжала она, беря букет и откладывая его на пуфик под зеркалом. – Догадываюсь даже, почему ты их купил. Денег не принес?

– Инночка, откуда бы я их взял? – Голос у него неожиданно оказался высокий, ломкий, как у мальчишки, едва начинающего становиться мужчиной. – Ты ведь знаешь, что, если я не заплачу за аренду зала, мне негде будет тренироваться. А если так – не поеду на гастроли.

– Куда это вы собрались?

– Вроде поедем в Австрию.

– О... – Инна недоверчиво закатила глаза. – Кто вас там ждал?

- Скоро выяснится, кто, – невозмутимо ответил Сергей. – Представь меня, наконец.
- Лена, Сережа, – мотнула та головой. – Нет, не надо мне помогать. Я сама все доделаю.

Вы посидите с детьми.

И ушла на кухню. Лена и Сергей прошли в комнату, дети при их появлении подняли головы и молча уставились на них – Сашка просто любопытно, Оксана – хмуро.

- Это твой папа? – спросил наконец Сашка.

– У меня нет папы, – тихо ответила девочка, снова принимаясь за игрушки. Вяло переставила кубики, бросила их, встала и пошла на кухню к матери. Сашка повозился еще с минуту и отправился за ней. Сергей не произнес ни слова, пока дети не вышли. Он вообще не обращал на них внимания. Сидел в кресле, устало вытянув ноги, о чем-то задумавшись. Одет он был небрежно – облегающие брюки, мятая, но чистая майка, холщовые туфли, довольно потрепанные... Лена сидела как на иголках, совершенно не зная, о чем говорить с этим парнем. Она пыталась определить его возраст. Сколько ему может быть? Двадцать пять? Тридцать? Или двадцать? Глаза маленькие, карие, непроницаемое выражение, под глазами – небольшие мешочки... Выбрит тщательно, светлые волосы прилизаны. Короткие толстые пальцы, пушистые от волосков, на запястье – дорогие часы. Она так увлеклась разглядыванием, что вздрогнула, когда он заговорил, лениво переводя на нее взгляд:

- Вы не из Москвы?

– Из Питера.

– Вот как... – протянул он, и тут ей стало жарко – она обнаружила, что Сергей насмешливо рассматривает ее платье. – А с Инной давно знакомы?

- Мы вместе учились, – сдавленно ответила она, вся как-то сжимаясь под этим взглядом.

«Заметил, конечно... – пронеслось у нее в голове. – Вот дура-то...»

- Где учились?

– В ... – Она назвала институт.

- Ах, да. Я и забыл, что она где-то училась...

«Мерзкий тип», – вынесла она решение.

- Надолго вы приехали?

– Вероятно, до субботы.

Разговор напоминал упражнение по английской грамматике – вопрос-ответ, приличные паузы, полное равнодушие собеседников друг к другу. Впрочем, Лена не была равнодушна. Она не знала почему, но уже поняла, что ненавидит этого человека. За насмешливый взгляд? За то, что берет у Инны деньги? Но она сама только что приняла кучу дорогих подарков... За то, что оба они чего-то хотят от Инны, за то, что находятся в равном положении? Два прихлебателя, столкнувшиеся на одной территории и прошупывающие обстановку? Она поклялась себе, что вернет Инне все подарки или их стоимость, как только будет при деньгах.

- Так вы будете жить у Инны?

После этого вопроса Сергей окончательно ей не понравился. «Да я же ему мешаю! – сообразила она. – Интересно, где они встречаются? Здесь? При ребенке? Впрочем, Оксана еще маленькая... Но как она посмотрела на него!»

– Да, я поживу здесь, – вежливо ответила она. – Надеюсь, я вам не слишком расстрою планы...

- Ничуть. Я даже буду рад отдохнуть от Инны.

Он улыбался, а она не знала, как понять его слова – в шутку или всерьез?

– Инна любит развлекаться, – продолжал он своим странным голосом, похожим на чириканье птицы. – И любит, чтобы я тоже развлекался по ее вкусу. А вкус у нее... – Он скорчил гримасу и тут же пояснил: – Я имею в виду развлечения, конечно. Кабак. Конечно, ее работа накладывает отпечаток. А я ежедневно провожу три часа на тренировке, качаюсь, танцую...

Вечером, два-три раза в неделю – выступления. Я предпочел бы тихий отдых. Она же... – Он махнул рукой. – В сущности, что такое ее танцы? Так, ногой дрыгнуть...

– Но вы, как я поняла, тоже танцуете не в театре?

– Что? Нет. Сбиваются труппы, мы ездим на гастроли. И есть постоянный состав, в котором мы выступаем в клубах, на презентациях... Хотелось бы выйти на телевидение, но пока ничего не получается... А у вас нет там знакомых? Ах, я и забыл, что вы из Питера...

На этом разговор иссяк. Они молча сидели друг против друга, пока Инна не позвала их ужинать. Лена вся тряслась от злости и очень боялась, что это заметно. Инна подмигнула ей и улыбнулась. Они уселись за стол, девушки взяли детей на колени и принялись их кормить тушеным мясом и картофелем. Сашка ел жадно, Оксана – неохотно, часто отворачивала свое бледное, удивительно ангелоподобное личико. Наконец девочка с силой оттолкнула руку матери и стала сползать с ее колен.

– Хочу играть.

– Потом не проси кушать! – в сердцах напутствовала ее Инна. И, ничуть не стесняясь гостя, сказала: – Это все из-за него. Терпеть его не может.

Сергей ел жадно, сам положил добавки. Он и ухом не повел, услышав эти слова. А Инна продолжала, словно его тут не было:

– Не знаю, что делать... Вот увидишь, он уйдет, и она съест целую тарелку. А так – голодовка в знак протеста. Ты последишь, чтобы она поела?

– Конечно... – поежилась Лена. – Ну, хватит тебе! – Она вырвала ложку у сына. – Оксана ушла, ей там скучно. Иди, поиграй с нею.

– Потом еще дашь? – спросил счастливый Сашка.

– Потом. Умойся!

Тем временем Инна бесцеремонно выясняла отношения с Сергеем. Она как будто находила особое удовольствие в том, что разбирательство происходило при свидетельнице.

– Ты понял, что деньги нужны немедленно? Цветочками не откупишься. Вот Лена приехала, ей нужны деньги. Нужнее, чем тебе, во всяком случае.

– Я попробую занять... – Он пожал плечами и странно скривил рот на сторону. – Но сейчас никто не может дать.

– Меня это не касается! Как я сейчас жалею, что занималась твоими долгами... – Горестно продолжала та. – Но теперь, будь спокоен, я найду своим деньгам лучшее применение!

– Да? – Он встал, убрал грязную тарелку в раковину и напился холодной воды из чайника. – Ну так найди. О, вижу, уже нашла...

Стрельнул карим глазом в Лену и язвительно заметил:

– Конечно, у меня никаких шансов? Что лучше девичьей дружбы?

– Постыдился бы.

– Чего? – нараспев проговорил он. – Я не просил у тебя денег, ты всегда сама предлагала. Я понимаю, тебе не терпится все на свете купить на свои жалкие гроши...

– Скажи еще – грязные.

– Не скажу. – И вдруг улыбнулся как-то очень ласково, так что даже похорошел: – Может, хватит злиться?

– Хватит будет, когда отдашь деньги. И не только эти пятьсот баксов, ты мне еще должен...

– Все верну. Когда едешь в клуб?

– В девять. Ты на машине? – Инна, казалось, тоже подобрела, во всяком случае сменила тон.

– Да, сделал техосмотр.

Теперь они говорили, как двое пожилых супругов – мирно, обыденно, без эмоций. Лена слушала и дивилась про себя, как странно выглядят со стороны иные человеческие отношения. Ведь еще минуту назад сгущались тучи, и ей хотелось спрятаться под стол... Потом она вспомнила себя и Арифа и подумала, что их-то отношения, во всяком случае, были еще дикихвинней.

– Ой, мне надо позвонить, – встрепенулась вдруг она. Воспоминание об Арифе вернуло ее к реальности. – Мухамед просил...

– Этот типчик? – быстро повернулась к ней Инна. – Скажи, что если он соврал, натравишь на него своих кредиторов. У него регистрация в Москве есть? Документы в порядке?

– О, это совсем другой фрукт, чем Ариф... – вздохнула Лена.

– Жаль! А то можно было бы устроить ему парочку неприятностей...

– Как интересно... – вмешался Сергей. – Буквально на днях в одном клубе, где мы танцевали, ко мне приклеился один араб. И его тоже звали Мухамед.

– Это был не он, – ответила Лена и набрала номер. Постепенно и она осваивалась с бесцеремонным духом, царившем в этой квартире. Ни Инне, ни ее ухажеру даже в голову не пришло уйти, они просто заговорили потише, энергично обсуждая какой-то ангажемент Сергея. На этот раз к телефону подошел сам Мухамед.

– Ну что, – без предисловий сказала она. – Ничего там нет.

– Как нет?

– Я и не рассчитывала, – убито продолжала она. – Послушай, ты совершенно уверен, что получил тот факс? Ты все правильно понял? Он выслал мне билеты и деньги?

– Конечно, Лена... – заторопился Мухамед. – Ты не переживай, просто они пока не пришли... Наверное, скоро придут... Рано волноваться!

– Но Мухамед, как же так? – горько сказала она. – Ты определенно обещал мне, что я получу деньги... Вот я и сорвалась, да еще вместе с ребенком. Знала бы – оставила его там, дома. А ты сказал, чтобы я обязательно взяла его с собой.

– Но, Лена, ведь вы сразу поедете в Дамаск!

– Если поедем.

– Что?

– Если билеты – реальность, ты меня понимаешь? Что-то это слишком хорошо, чтобы быть правдой...

– Ты расстроилась? Не надо, Леночка... Я тебя приглашаю в гости с Самиром. Приезжай сегодня!

– О, господи, я не могу. Мухамед, пойми, я не развлекаться приехала. Мне надо скорее получить деньги.

– Знаешь, Лена, – бодро ответил он. – Я мог бы тебе дать денег.

Это было что-то новенькое! Она отлично помнила, как Ариф пытался занять у Мухамеда сотню долларов, когда они мучились в гостинице... И Мухамед не дал, хотя прекрасно зарабатывал, имел машину, снимал хорошую квартиру. И тем не менее она обрадовалась – хоть что-то дельное, какая-то зацепка!

– Сколько ты мог бы дать? – взволнованно спросила она.

– А сколько надо?

– Видишь ли... У нас с Арифом тут старый долг. Помнишь, мы ушли из квартиры в Текстильщиках? Меня уже год мучают хозяева. Я должна им заплатить тысячу двести долларов.

– Лена... – Он изумленно протянул ее имя, словно выражая свое неодобрение. – Это очень большая сумма!

– Я не прошу тебя дать мне столько. Хотя бы долларов двести?

Он помолчал. «Соображает! – злилась Лена. – Услышал про такой долг и понял, что я беру без отдачи! А может, еще кое-что понял? Давно пора! И он еще надеялся, что я поскачу

в Сирию после того, что было! Ну пусть воображает! Все равно деньги придут на мое имя, он не сможет их отнять! Получу, расплачусь и слиняю!»

– Ну так что? – нетерпеливо спросила она. – Ты мне что-нибудь дашь? Я приехала совсем без денег, неудобно жить у подруги.

– Что-о?! – грозно вскинулась Инна, но тут же замолчала – Лена сделала ей большие глаза.

– Я дам тебе двести долларов, – откликнулся наконец Мухамед. – Приедешь в гости? Сегодня сможешь?

– Нет, я сижу с детьми.

– Попроси подругу!

– Она не может.

– А можно мне приехать?

– Сюда?

– Твоя подруга будет против? – засмеялся Мухамед.

– Нет, нельзя, – резко ответила она. И сама не знала, почему чуть не выкрикнула эти слова. Ей вспомнился Мухамед – его лицо, красивое, даже слащавое какое-то, смуглая кожа, широкие плечи и тонкая талия, всегда ослепительная белая рубашка, дорогой костюм, облако духов... А вот зубы у него были плохие, гнилые, улыбка неприятная. И она поняла, что совсем не желает его видеть, особенно здесь. – Не стоит, я лучше сама приеду. Тут живут люди, не хочу мешать.

– Много народу? Переезжай ко мне!

– Нет.

– Почему стесняешься? Ты же моя родственница!

«Спасибо за такую честь!» – сердито подумала она.

– Мухамед, я приеду в гости, обязательно, но не теперь, – сказала Лена очень мягко, чтобы раз и навсегда отмести эту тему. – А ты ничего не узнал об Ариффе? Я ведь просила...

– Есть один, который недавно встречался с ним в Дамаске. Но я пока не нашел этого человека... – отчитался Мухамед. – Он должен ко мне приехать.

Они перебросились парой любезностей, и она повесила трубку.

– Ну вот что, – заявила Инна, вставая из-за стола. Только теперь Лене стало ясно, что ее беседа с Мухамедом была внимательно прослушана от начала до конца – Инна и Сергей давно молчали. – Мы посоветались и решили, что тебя нужно развлечь. С детьми посидит в последний раз Александра, а тебя мы повезем в мой ночной клуб! Посмотришь, как я танцую!

– Но там, наверное, надо платить за вход?

– А я, по-твоему, права голоса не имею? Тебе будет интересно. Все, ты едешь!

Сергей быстро, по-обезьяньи обкусывал ноготь и внимательно смотрел на Лену. Потом дружески улыбнулся и сказал, что она не пожалеет.

Глава 5

Они сидели в гримуборной – небольшой комнатке на задах ночного клуба. Тут были два столика с зеркалами, подсвеченными неоновыми трубками по бокам, на столиках – бутылки с косметическим молочком и тоником, комья чистой и испачканной ваты, кисточки, лак для волос, фены, косметика... Шкаф в углу, вдоль стены – широкий удобный диван, обитый синевато-черной кожей. Сергей развалился на этом диване по-хозяйски – колени расставлены, голова откинута на спинку, рука свешена с подлокотника, вид скучающий, снисходительный и усталый. Лена с любопытством рассматривала комнату, следила за быстрыми передвижениями Инны – от шкафа к зеркалу, от зеркала к умывальнику, притулившемуся в углу... На несколько минут та исчезла из комнаты и появилась потом в сопровождении официанта в черном костюме и крахмальной рубашке с бабочкой.

– Два коктейля гостям, Витенька... – ласково сказала она.

Сергей взял высокий тяжелый бокал, в котором плавал цветной фруктовый лед и маслины, рассеянно поболтал его и поставил на пол рядом с диваном. Лена раздраженно стрельнула в него глазами: «Почему он ведет себя так, словно делает одолжение? Почему коктейль заказывает Инна, а не он, почему сидит так, будто его с трудом уговорили сюда прийти?! Какой он мерзкий! И что это ничтожество из себя строит? Да ведь он презирает и меня, и ее, сразу видно! За то, что мы женщины? За то, что он почти настоящий балетный артист, а мы – никто?» Она выпила половину бокала – медленно, сосредоточенно, пытаясь успокоиться. Визит в клуб взбудоражил ее – давно она не видала такой красивой, парадной жизни, таких интерьеров, такого обслуживания... Сергей подъехал на своей старой машине к заднему входу, Инна выскочила, пошла впереди, ловко виляя на высоких каблучках, они последовали за ней и оказались в маленьком служебном вестибюле. Там сидел охранник в форме, Инна кивнула: «Мои гости». Парень даже не взглянул в их сторону, зато перекинулся с Инной парой многозначительных тихих фраз. Сергей не обращал на это никакого внимания, что тоже было внове для Лены. Она то помнила, какие истерики закатывал ей Ариф по всякому ничтожному поводу – посмотрела в чью-то сторону, встретила на улице приятеля по институту, лишний раз упомянула чье-то имя... Инна провела их в уборную и предупредила, что скоро придут еще две девушки, но они не будут против, когда увидят гостей. И вот начала переодеваться и краситься. Когда она оторвалась от зеркала, Лена ее не узнала. Все черты ее лица как будто обострились, стали вызывающими, резкими. Тонкие брови почернели, глаза, обведенные перламутровыми зелеными и белыми тенями, приобрели театральную огромность, глубину. От ресниц на загорелые скулы ложились длинные тени, кожа светилась. Она скинула запачканный легкий халатик, в котором гримировалась, и осталась под ним почти голая – только в черном кружевном белье. Инна натянула тонкие чулки, застегнула на бедрах шортики, состоящие из двух отдельных частей – передней и задней. По боковым швам они соединялись крючками.

– А то как бы я могла их снять? – спросила она Лену, поймав ее удивленный взгляд.

– А в чем ты останешься к концу номера?

– Только в трусиках и туфлях. Ну и в чулках, конечно.

На плечи Инна набросила белую шубку из страусовых перьев. Шубка дошла до пояса и скрыла подтянутый загорелый живот. На голове закачался сложный убор из острых черных перьев.

– Его я тоже не сниму, – пояснила Инна. – Ну вот и все.

На огромных каблучках она казалась еще выше. Если бы Сергей встал, то оказался бы ей по плечо.

– Хочется покурить, но это после номера... – как-то напряженно сказала Инна.

– Ты волнуешься?

– Понимаешь, зал всякий раз настроен по-другому. Иногда идет такая отрицательная эмоция, что я ее животом чувствую...

Сергей хмыкнул.

– Конечно, мы – артисты балета, презираем стриптизерок, – бросила ему Инна, впрочем, без гнева. – Больше всего потому, что у балетных отвратительные фигуры.

– Это твоя собственная фантазия, – ответил Сергей, едва посмотрев в ее сторону.

Она посмотрела на часы и взволнованно сказала:

– Еще минут семь... Ну, пойдешь со мной?

Вопрос адресовался Лене, она встала, тоже волнуясь, и вопросительно посмотрела на Сергея. Тот покачал головой:

– Сто раз видел.

– Ну и сиди тут, – Инна резко повернулась на каблуках, и девушки вышли из комнаты. Они миновали короткий коридор, и по мере того, как они подходили к двери в конце, нарастал какой-то странный шум – гул, звон, музыка... Лена услышала голос – мужской, который что-то громко и приветливо говорил.

– Мой выход, – прошептала Инна и вдруг, бросив подругу, быстро прошла вперед, толкнула дверь, и Лена едва успела увидеть, как та вдруг побежала куда-то...

...Мягкая музыка была чем-то знакома Лене. «Эммануэль»? Какая-то песня Джо Дассена? Или просто умело смешанный французский музыкальный коктейль, исполняемый «живым» оркестром? На маленькой сцене замер круг белого света, и в этом круге плавно распласталась по стене тонкая, какая-то нереальная фигурка... Лена видела ее сбоку, из тамбура, в котором она очутилась после того, как тоже вошла в ту дверь, за которой пропала Инна. И теперь Лене казалось, что девушка на сцене – вовсе не ее давняя подруга, нет... Инна где-то пропала, а на сцене оказалась другая, одетая, как Инна, в той же белой шубке и черных перьях, но совсем, совсем не она... Глаза у этой девушки были прикрыты, на лице застыла какая-то очень опытная, «знающая» улыбка. Ноги расставлены так широко, что еще немного – и девушка упадет... Но она не падает, нет... Медленно приседает на расставленных ногах, руки отрываются от стены, грудь в прозрачном лифчике на миг показывается из-под распахнутой шубки и тут же исчезает. Начинается танец – она танцует как будто сдержанно, неторопливо, и это на первый взгляд не стоит ей никаких усилий – просто она делает те движения, которые делает любая женщина, чтобы показать красоту своего тела. Но Лена видит, как напряжены мускулы ее ног. Девушка на сцене играет со своей шубкой – и вот это уже не шубка, а чьи-то мягкие объятия – она скользит в них, потирается щекой, распахивает их и снова исчезает в белых перьях. Диковинная черно-белая птица, танцующая брачный танец. Но где же в таком случае самец? «Самцы в зале, – сказала себе Лена. – Отсюда не видно, а жаль... Хотелось бы посмотреть на их глаза». Шубка оказывается на полу, танец становится все откровенней и свободней... Девушка в черном белье потирается о блестящий металлический шест возле стены. Начинает играть с шестом, который все больше становится похожим на что-то другое, во всяком случае не на металлический холодный предмет. Обвивает его упругими ногами, откидывается назад, повисая на согнутых коленях, почти касаясь руками пола, снова прижимается к нему всем телом, даже делает вид, что пытается вскарабкаться вверх... Вот она избавилась от шортиков – черная тряпочка полетела на пол и упала совсем рядом с Леной.

Лена прислонилась плечом к стене и засунула руки за пояс подаренных джинсов. В клуб она оделась совсем не по вечернему – эти джинсы да затейливая кофточка из «Галери Лафайет», лаковые сабо. Волосы распустила по плечам и спине. Теперь она чувствует себя не в своей тарелке, как будто выбилась из общего стиля ночного заведения. Хотя тот мужчина, который объявил номер Инны и с которым Лена столкнулась в тамбуре, ничего ей не сказал. Видимо, Инна часто приводила кого-то в гости.

Теперь музыка стала напряженной, в ней появились новые мотивы – ритм кабаре, намек на канкан. Инна одной рукой берется за кнопочку на лифчике, между грудей. Лукаво медлит, словно не решаясь ее расстегнуть, следуют еще несколько страстных па – лифчик сползает по спине и оказывается под каблуками. Она подставляет лучу света обнаженную грудь, и тут уж начинается что-то совсем томное – танец на грани полной доступности, еще немного – она ляжет на пол совершенно голая. Это продолжается минуты три, потом Инна направляется к кулисе и оказывается рядом с подругой. Она тяжело дышит, на груди – испарина, она растирает рукой колено. Мимо девушек на сцену снова проскальзывает ведущий и с хохмочками поднимает с пола разбросанные вещи, демонстрируя каждую залу. Потом уходит за кулисы, а оркестр играет что-то отдохновенное, чтобы можно было выпить и закусь.

Инна взяла у ведущего шубку и накинула ее на плечи.

– Если пригласят в зал, я буду в уборной, – вяло сказала она.

– Ладно, отдохни, но будь готова. Там сидит компания, и, по-моему, ты понравилась.

– Я никого не видела, – уныло ответила Инна, забирая у него лифчик и шортики. –

Пошли?

Они двинулись в обратный путь по коридору. Инна молчала, а Лена не решалась что-то сказать. Только спросила, когда они оказались у двери в уборную:

– Устала?

В уборной, кроме Сергея, сидела еще девушка. Увидев Инну, она кивнула и спросила:

– Ну?

– Нормально. – Инна уселась на диван, взяла коктейль, к которому Сергей так и не пригнулся, и отпила глоток. Девушка ее предупредила:

– Только не напивайся, как в тот раз. Что случилось?

– Настроение неважное.

– Ты еще в зале не была?

Инна сунула бокал Сергею, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Потом пожаловалась, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Как подумаю, что меня кто-то может позвать пообщаться, в дрожь кидает. Танец – что! Эта проклятая консумация – самое худшее.

– И не говори, – кивнула ее коллега. Это была совсем молоденькая девочка, на вид – лет шестнадцати. Она торопливо гримировалась, отвернувшись от них к зеркалу, и Лена видела только ее черные волосы и кончик носа. – Я сама это ненавижу, но что поделаешь? Вот когда я работала стриптиз в ресторане, было не так скверно, не надо было спускаться в зал. Зато и платили мизер. Дешевым девушкам живется легче, что и говорить.

– Дешевым? – тихонько переспросила Лена. – Это как?

– Ну мы, например – дорогие девушки, – охотно пояснила та. – А есть дешевые. Они получают всего двести-триста долларов в месяц! Это обычно в каких-нибудь ресторанах на окраине... Вот и я была такой. Потом перешла сюда и не жалею. Правда, тут тоже не бог весть что... – Она пожалала точеными плечами, по-прежнему глядясь в зеркало. – Иногда густо, иногда пусто...

– Инна, пойдем, – в дверь просунулся ведущий. – Тебя зовут.

Она вдруг быстро пожалала руку Лене, встала и вышла, высоко подняв голову и заранее улыбаясь. Лена так и осталась сидеть, подавшись вперед, глядя вслед подружке. На душе у нее было тяжело. «А что же он? – подумала она о Сергее. – В конце концов – Инна его девушка, он с нею спит, они вместе развлекаются... И – ничего?» Сергей, казалось, дремал.

– Меня Ира зовут, – представилась ей девушка, наконец, повернувшись лицом. Она уже была накрашена.

– Лена. А ты давно здесь работаешь?

– С весны. Всего два месяца.

– А вообще давно танцуешь?

– О... Я стала работать в шестнадцать лет. Что? Рано?

– Не знаю... – Лена уловила в ее вопросе вызов.

Тот же самый жалкий вызов, маскирующийся под цинизм, который она уже видела и у Инны. – Тебе, наверное, всего семнадцать?

– Пока нет, – рассмеялась та. – Да это фигня, возраст. У нас и двадцатипятилетняя работает. Так ей точно так же тяжело, как нам с Инкой. Она еще придет сегодня. Ее Наташей звать.

У Иры было милое круглое личико, веселые темные глаза; волосы – очень густые, черные как смоль и, наверное, грубоватые на ощупь, придавали ее облику что-то восточное.

– Моя кличка – Шахерзада, – она словно угадала мысли Лены. – У нас у всех тут клички, так нас и объявляют. Инка, например, – Эммануэль. Наташа – Пантера. А этот все спит?

Она подошла к Сергею и презрительно сказала:

– Не занимай мебель, нам отдыхать негде.

– Я не мешаю, – мгновенно откликнулся тот, хотя, казалось, и правда, дремал.

– Мешаешь! Хватит с меня тех мужиков, что в зале сидят!

– Разбейся с Инкой, она меня сюда притащила.

Быстрый обмен ненавидящими взглядами – и девушка отвернулась. Теперь она переоделась, не стесняясь Сергея, не обращая больше на него внимания. Ее костюм был так же сложен и затейлив, как у Инны, но в другом роде – восточном. Колготки она надела на голое тело, без трусиков. Наклонилась, поднимая с пола туфли, стоя спиной к дивану, и Лена вдруг заметила, что Сергей жадно смотрит на открывающуюся перед ним картину – нежную округлость ягодиц, рассеченных посередине швом. На бедра Ира надела что-то вроде юбочки, состоявшей из двух рядов черной и золотой бахромы. Стоило ей сделать шаг или просто немного выставить вперед одну ногу, как бахрома расходилась в стороны, открывая ее почти обнаженное тело. Лифчик тоже был восточный – черный, с бахромой внизу, расшитый золотом и совсем прозрачный. На шее – пышное боа из перьев. На голове – золотой тюрбанчик, из-под которого выбивались тяжелые черные локоны.

– Танец с питоном, – весело сказала Ира, повертев в воздухе концами боа. – Я там такое показываю...

– А кто придумал тебе этот костюм? – спросила Лена. Несмотря на то что наряд был очень откровенный и конечно совершенно непристойный, он понравился ей – уж очень Ира была в нем хороша – настоящая восточная принцесса.

– О, это не мы сами придумываем. Есть специальный человек, стилист. Он решает, как мы должны быть одеты, какие у нас будут образы на сцене. Ведь нужно разнообразие.

– А танцы кто ставит?

– Никто... – засмеялась та. – До этого наука еще не дошла. Говорят, в Париже стриптизерши делают только то, что хореограф придумывает. А мы всегда придумываем свое. Я, например, просто наряжаюсь в эти тряпки, слушаю музыку и танцую как бы для себя... Фантазия на тему Востока, понимаешь?

– Но кто-то же научил тебя этому?

Ира помрачнела – как-то вдруг, бросила вертеть боа, взяла со стола сигарету и сунула в рот.

– Кто-то да научил, – коротко ответила она. – Что там делает Инка? Мой выход.

Едва раскурив, сунула сигарету в пепельницу и пошла к двери – легко, царственно, словно шла к любимому человеку на свидание, а не в зал, где ждут ее потные, разгоряченные, нетрезвые и совершенно чужие мужчины. Когда дверь за ней закрылась, Сергей вдруг обратился к Лене:

– А история-то у нее самая банальная.

– Да? – рассеянно переспросила Лена.

– Конечно, – он, казалось, проснулся – открыл наконец глаза, закурил и теперь говорил даже оживленно и с пафосом: – Танцевала в хореографическом кружке, как Инка...

– И как я.

– Да? Можно было понять... – Он пробежался взглядом по ее фигуре и снова остановился на лице. Так и говорил, не сводя с нее глаз: – Потом попала к одному типу, фамилию называть не буду, на подтанцовку. Ну он поет, а она пляшет с мальчиками и девочками. Тут-то, казалось бы, и конец ей, невинной крошке, но вышло по-другому. Попался ей некий господин, очень культурный, образованный, вежливый. Он предложил ей танцевать в шоу за границей. Но с шоу ничего не вышло – ей тогда еще и шестнадцати не было. А программа была вроде здешней – девочки танцевали голые в ночных клубах в Словении. Она не поехала, а он вот уехал с другими девушками. Тогда она поняла, что влюбилась. Ждала его и страдала. А когда он вернулся, отдалась. Естественно, залетела. Аборт, слезы, мама ругает, папа сердится... А кончилось все тем, что этому господину она надоела. Он ее прогнал – уж слишком часто малышка признавалась в любви, ревновала к танцовщицам... И вот – стриптиз. В знак протеста. «А вдруг он узнает?» И представь, вышло, как в дешевой мелодраме – кто-то его сюда привел, а девочка как раз танцевала. Ну узнавание, встреча за кулисами, «я вас любил, любовь еще, быть может...». А что делает Ирочка? Посылает его. Интересно?

Лена могла бы сказать, что да, но слишком ее возмутила интонация, с которой рассказывал Сергей – издевательская, презрительная.

– Если ты так их презираешь, почему же пришел сюда? – спросила она его.

– Должен же кто-то увести Инку в пять утра домой, – неожиданно последовал ответ. – У меня трудовая повинность. Это все, чем я могу быть ей полезен. Впрочем, она часто просит меня уехать в середине ночи.

– Почему?

– По-твоему, она зря спускается в зал? Находятся добрые дядьки, которым лестно подвести красавицу... Не всегда к ней домой, правда.

Он не договорил – грохнула дверь, и в комнату ворвалась Инна. Ее шубка была распахнута, грудь оказалась на виду, в руке она держала сорванный с головы убор из перьев, в глазах стояли злые слезы.

– Сволочи! – Она швырнула на диван перья, сорвала шубку, яростно метнула ее в угол. Нежный белый пух полетел, как снежный ком, и распластался на полу. Инна набросила халатик, уселась перед зеркалом и громко зарыдала. Все произошло так внезапно, что никто не успел сказать ни слова. Только теперь Лена нерешительно приблизилась к подруге и положила руку ей на плечо.

– Что случилось? – тихо спросила она. – Тебя обидели?

– Ничего! Ничего! – яростно выкрикивала Инна. – Они думают, что я проститутка! Да у них денег не хватит меня купить!

Схватила со столика носовой платок и, как будто разом успокоившись, стала осторожно промакивать в уголках глаз. Она часто и тяжело дышала, и в конце концов скомкала платок и бросила его на пол. Сидела сгорбившись, свесив между колен обнаженные руки, и уныло рассказывала. Пьяная компания из каких-то крутых пацанов. Вот именно – пацанов. Люди постарше так себя не ведут. Она подошла к ним, улыбаясь, ведь это входит в ее обязанности. Уселась рядом с одним, наименее противным – это значило, что она выбрала его для общения. Начала беседу – нет, вовсе не игривую. Это уже не входит в кодекс ее поведения, это ее собственная добрая воля. Попросила, как водится, заказать дорогие коктейли – себе и ей.

– Я получаю проценты за напиток... – пояснила она. – И выпила с ним, когда принесли коктейли. Мне дали легкий, так у нас уговорено с барменом. Дает мне сок или колу, а коктейль-то очень дорогой... Разница идет мне, да и танцевать в подпитии трудно. А этот сопляк налил мне вина, которое стояло на столе. Предложил, я отказалась. Сказала, что на работе. А

он... Сунул мне руку между ног и спрашивает: «А эта штука у тебя как работает?» «Никак, – отвечаю и отталкиваю его руку. – Это не моя работа». Встала и хотела уйти, он стал меня материть... Едва не поднялся скандал.

– Боже мой... – Лена не могла опомниться. – Они не понимают, что ты только танцовщица?

– Никто не понимает... – Инна принялась пудриться. – И я никак не могу привыкнуть.

– Инночка, – в комнату заглянул ведущий. – Они ушли. Все в порядке?

– В полном.

– Плакала?

– Немножко...

– Мы наших девушек в обиду не даем... – сказал тот, почему-то обращаясь к Лене. – Все уже это поняли. А где Наташа?

– Откуда мне знать... – довольно невежливо ответила Инна. – Сейчас придет, наверное... Если у нее ребенок болеет, то может опоздать.

– Она доиграется. – Дверь захлопнулась.

Инна закурила, дала сигарету Лене. Та вспомнила о Сашке. Он остался дома под надзором Александры – полной дамы лет под пятьдесят, чьи волосы были выкрашены в ядовито-рыжий цвет. Голос у нее тоже был ядовитый, и при этом сладкий. Лену она ощупала взглядом и елеинно спросила, откуда приехала подружка. С Сергеем тоже поздоровалась очень сладенько. А вот с самой Инной чуть не поругалась – требовала какой-то надбавки за то, что сходила на днях в магазин за продуктами. Инна ничего ей не дала, сказала, что денег пока нет, и Александра осталась с детьми, чрезвычайно недовольная. Она упомянула еще и о том, что за второго ребенка ей тоже полагается надбавка, но Инна ее успокоила – за этим ребенком надо следить один раз. «Пока не хочу говорить, что откажусь от ее услуг, – пояснила она в машине. – Иначе заттит скандал. И мне спокойнее – хоть нормально присмотрит сегодня за детьми. Но и стерва же она, скажу тебе! За все ей полагается надбавка... Я подозреваю, что это она распускает про меня сплетни в доме. Все знают, кем я работаю! Не удалось утаить... Представь, один раз ко мне пыталась завалиться компания местных подростков! Ну я их выпнула, пригрозила, что им кое-кто башку оторвет. Не Сергей, другие люди найдутся. Клуб нас защищает. А вообще, жить в этом доме неприятно...»

– Дети сейчас спят... – Лена посмотрела на часы. – Все-таки мне хотелось бы самой сидеть с ними.

– Ну и сидела бы, – буркнула Инна. – Что лучше? Никто тебя не заставлял ехать в этот дурдом.

Тут она была не права, но перечить не хотелось – Лена видела, как расстроена подруга, и ей было очень ее жалко. Инна, гордая Инна! Все говорили, что гордая. Нет, конечно, она была далека от кавказского кодекса чести, который все еще исповедовала ее мать, несмотря на то что давно жила в Москве. И все же...

Дверь снова отворилась, и в уборную вошла высокая девушка. Ее внешность поразила Лену: лицо словно с картины старинного художника, специализирующегося на мадоннах, ледяные, очень светлые глаза, узкие губы. «Неужели и к этой пристают?»

– Тебя уже спрашивали, – Инна повернулась к вошедшей.

– Знаю.

Ни слова больше не говоря, девушка скинула плащ, повесила его в шкаф и принялась раздеваться. Сергей поздоровался с нею даже как будто с уважением, но та не повернула головы.

– В зале сидела мерзкая компания, – продолжала Инна, – но я приняла огонь на себя. Тебе повезло, Наташка. Теперь их там нет.

– Ну и что... – послышалось из-за дверцы шкафа. Оттуда протянулась тонкая голая рука и перебросила через всю комнату что-то черное. Тряпка упала на диван, Сергей бережно поднял ее и расправил. Это оказалась прозрачная кофточка, на «молнии» спереди.

– Пантера! – позвал ее Сергей. – Ты сегодня не в духе?

– Не смей называть меня так, – Наташа продолжала переодеваться за дверцей. – Какого черта ты вообще тут сидишь? Инка, почему он не может приезжать за тобой утром?

– Прекрати, – возмущенно ответила та. – Он мне тут нужен. И не так уж часто он тебе мешает.

– Он ко мне клеится, неужели не видишь? – хладнокровно пояснила Наташа. – Стоит тебе выйти, начинает приставать.

– А мне-то что? – Инна пожала плечами.

– Твое дело...

«Пантера» переделась и подошла к зеркалу. Ее наряд был из черной лаковой кожи, крепко обтягивающей фигуру почти без признаков пола. Крохотная грудь, сильные прямые ноги в сетчатых чулках... Она уселась перед зеркалом и начала краситься. Сергей встал и вышел, хлопнув дверью. Лена уже ничему не удивлялась.

– Вернется! – прокомментировала его уход Инна. – Сокровище какое... Покружит по городу и приедет назад. А хоть бы и не возвращался!

– Кого-то подцепила? – поинтересовалась Наташа.

– Черта с два. Просто он мне надоел. Как твоя дочка?

– У нас все еще течет из ушка, просто кошмар... – пожаловалась Наташа, поворачиваясь к подруге. Теперь ее глаза вовсе не были ледяными. – Муж опять просидит с нею всю ночь. Хорошо, что у него каникулы.

– Когда он институт закончит?

– Еще два года.

– Не ревнует?

– Еще как ревнует... Я его умоляю не выдумывать всякие гадости, а он все равно изводится. Но что я могу сделать? Если я уйду отсюда, мы окажемся на улице. Сама знаешь! Квартиры нет, он ничего не может заработать. Ребенок...

– Я не хотела бы иметь мужа, – проворчала Инна. – Всю ночь убиваешься, а вернешься домой – и готова сцена ревности...

– Нет, обычно сцена бывает под вечер... – усмехнулась та. – Когда я собираюсь на работу. А когда прихожу – все спят. Он просто подвигается в сторонку, и я ложусь рядом.

– Алло, девчонки, что вы сделали с Сергеем? – Это вернулась Ира. – Я его встретила в коридоре, он собрался уходить.

– Несчастливая любовь, – ухмыльнулась Инна. – К ней вот!

Наташа скривила губы и с любопытством спросила вошедшую:

– Ты сколько там проторчала?

– Минут двадцать. Смотрите! – Ира пошурчала стодолларовой бумажкой, вынутой из-за резинки колготок. – Щедрый дядечка дал. Сказал, что я, наверное, мало зарабатываю и он будет ждать меня в холле.

– Смотри, узнают...

– Никто не узнает. Ведь вы меня не заложите. – Ира спрятала бумажку в сумочку и повесила ее в шкаф.

– Ты пойдешь с ним? – брезгливо спросила Наташа.

– А я когда-нибудь с кем-то ходила?

– Гляди, доиграешься...

– Ничего страшного. Дядечка просто меня потеряет. Ведь есть служебный выход.

– А завтра явится и сделает сцену!

– Ни черта не сделает! Сколько раз так бывало... Он смотрел на меня? Смотрел. Я с ним сидела, болтала? Болтала. Это чаевые, а не аванс... – твердо ответила Ира. – Если он не разобрался в этом – его проблема. Я смогу ему объяснить, как следует.

– И все же ты нарвешься!

– Надоело. – Ира принялась пудриться.

Наташа, совсем уже готовая к выходу, встала и достала из ящика стола сложенный веер из черных пушистых перьев. Ловко взмахнула им, он раскрылся, она пощекотала перьями свою грудь, шею и молча вышла.

– Вот так мы и живем, – вздохнула Инна, повернувшись к Лене. – Довольно гнусно. Счастливая ты... Няньчишься с ребенком, и никто тебя не лапает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.